

КАРМАННЫЙ ДЕТЕКТИВ

КЛУБ КЛАССИЧЕСКОГО ДЕТЕКТИВА

Мария
Шенбрунн-Амор

МЕСЬЕ ТЕРРОР,
МАДАМ
ГИЛЬОТИНА

25 ЛЕТ ИЗДАТЕЛЬСКОМУ ДОМУ
ГОРГОДИЕШ

Клуб классического детектива

Мария Шенбрунн-Амор

Месье Террор, мадам Гильотина

ИД «Городец»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Шенбрунн-Амор М.

Месье Террор, мадам Гильотина / М. Шенбрунн-Амор — ИД
«Городец», 2022 — (Клуб классического детектива)

ISBN 978-5-907483-36-1

Самоотверженный русский дворянин Александр Воронин прибывает в революционный Париж в поисках славы и подвигов, о которых бредит каждый отважный офицер XVIII века. Любовь побуждает его расследовать цепь доносов, убийств и предательств, а сострадание и жажда справедливости выводят на бой с безжалостной диктатурой Робеспьера.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-907483-36-1

© Шенбрунн-Амор М., 2022
© ИД «Городец», 2022

Содержание

I	6
II	10
III	19
IV	23
V	28
VI	32
VII	39
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Мария Шенбрунн-Амор

Месье Террор, мадам Гильотина

Издание подготовлено при участии литературного агентства и школы «Флобериум»

© М. Шенбрунн-Амор, 2022

© ИД «Городец», 2022

* * *

*Что успевают почувствовать отрубленная голова?
Никто из казненных уже не расскажет.
Но если якобинский террор продолжится, многие сами узнают эту тайну.*

I

– КАЖДЫЙ ДЕНЬ КОГО-НИБУДЬ тащат на эшафот, – надтреснутый, резкий старушечий голос метался по подвалу ломбарда. – Вчера казнили хромого нотариуса Легонье, позавчера – кюре Мулена. Собака де Ла Гройе до сих пор на его пороге лежит.

Очередь безмолвствовала, только шуршали линялые шелка, шаркали ноги в стоптанных ботинках с серебряными пряжками, и вокруг тощей, как ветла, старухи ширилось пустое пространство.

Гражданин в якобинской куртке-карманьоле наставительно пояснил:

– Казнят врагов народа.

Противница революционного правосудия резко повернулась, каркнула:

– Народ себе столько врагов нашел, что друзей скоро не останется!

Окружающие усердно делали вид, что не слышат безумных речей, лишь крепче сжали приготовленные заклады.

Патриот кивнул на очередь:

– Не нужны французской нации такие друзья. Взгляните на себя!

Он был прав: приход парижской церкви Сен-Жерве в квартале Маре населяли люди старорежимные – прежние господа, а ныне никуда не годные ситуайены¹. В темном душном ломбарде переминались женщины в вытертой парче и выцветшем утрехском бархате, мужчины в траченных молью париках, вытянутых на коленях кюлотах и посеревших шелковых чулках.

Александр Воронин, молодой, выше всех на голову, со сверкающими глазами, в свежей щегольской батистовой блузе и узких панталонах, выглядел среди «бывших» женихом на похоронах. И заклада у него никакого не имелось. Он, как Орфей за Эвридикой, последовал в душный подвал за хорошенькой соседкой, с которой уже неделю искал случая познакомиться. Девушка походила на взбитые сливки, на перламутр ракушки, на искрящийся в солнечных лучах снег. Жила она этажом выше в том же доме на улице дю Барр, в котором недавно поселились Александр и его дядя Василий Евсеевич. На входных дверях по приказу Парижской коммуны висел список жильцов. Из него было ясно, что на чердаке обитала домовладелица Бригитта Планель, ниже – гражданки Франсуаза Турдонне и Габриэль Бланшар, под ними – Воронины, а над подвалом ютились стряпуха Жанетта Дюбуа и истопник Пьер Карбош. Следовательно, очаровательную девушку звали либо Франсуаза, либо Габриэль. Александр уже несколько раз сталкивался с ней, но каждый раз юная соседка оказывалась со старшей компаньонкой, и случая представиться и завязать знакомство никак не выпадало. А сегодня он заметил дам у дверей ломбарда и, не раздумывая, последовал за ними. Это они привели с собой полоумную роялистку, несущую крамольные речи. Теперь старушенция торчала прямо перед Ворониным, норовя выколотить ему глаз обломанным страусиным пером на шляпе, и упорно заслоняла красавицу, ради которой он спустился в это подземелье.

Девушка стояла к нему спиной. Темные волосы свободно падали на плечи, полоски канифасового платья сходились на талии, как стебли цветов у горлышка вазы. Эту талию Александр мог бы двумя ладонями обхватить. Прелестница его не замечала, а когда чуть поворачивала голову, мелькали круглый абрис ее щеки и дрожащие ресницы.

Вклинившаяся меж ними карга продолжала возмущенно трясти всклокоченной головой, увенчанной перекошенной шляпой:

---

¹ Ситуайен (*фр.* «гражданин») – обращение, впервые принятое во время Великой французской революции. (*Здесь и далее прим. автора.*)

– А все потому, что доносят! А почему бы и не доносить, когда вон этот их Марат каждый день призывает рубить всем головы! Вот негодяи и стараются. Выслеживают, клязничают, а потом – р-р-раз! – и на эшафот!

Размашистым жестом старуха показала, как падает нож гильотины, при этом пребольно пихнула Александра острым локтем и негодуяще уставилась на него.

– Пардон, мадам, – он отступил назад и в свою очередь толкнул стоявшего позади мужчину. Обернулся: – Пардон, ситуйен!

От толчка мужчина потерял равновесие, черный плащ, в который он упорно кутался несмотря на духоту, распахнулся, под ним мелькнул синий мундир национального гвардейца с трехцветной перевязью. Форму солдата революции, похоже, заметили и остальные клиенты ломбарда. Бывшие дамы и господа словно съежились и еще теснее прижались к своим фамильным реликвиям.

Но отчаянная правдолюбица не умолкала:

– Графа де Клермона казнили! Якобы он тайно сочувствовал мученику королю. Спрашивается, с какой это стати графу сочувствовать своему суверену тайно? – Задрала острый подбородок, отчеканила: – Он ему вполне открыто сочувствовал, как всякий истинный дворянин и христианин!

Несколько посетителей выбрались из очереди и поспешно покинули помещение. Лишь одна толстуха в чепце и грязном фартуке шагнула на середину лавки, уперла руки в бока:

– Прошло ваше время! Теперь народ властвует! Кому не нравится – на площадь Революции, под национальную бритву!

Но даже неопровержимый довод санкюлотки² – святая Гильотина! – не образумил монархистку, вооруженную безумием и обломком страусиного пера. Старая дама вскинулась боевой кобылой, заслышавшей звуки трубы, при этом едва не оставив Александра без левого глаза.

По счастью, ее перебила спутница очаровательной девушки:

– Мадам де Жовиньи, ваш черед. Прошу вас, сюда.

Скандалистка энергично пробилась к прилавку. На ее продавленной шляпе уныло болталась сикось-накось пристроенная трехцветная кокарда, с апреля ставшая обязательной для всех гражданок. Девушка, за которой следил Александр, потеснилась, пропуская старуху, и наконец-то обернулась. Издалека юная соседка казалась красавицей с картин Буше: высокий лоб, нос с едва заметной горбинкой, округлые щеки. А когда Воронин увидел ее лицо в верхке от себя, у него дух захватило и внутри защемило от невозможности прикоснуться к этому живому чуду. Девушка оказалась единственной и неповторимой. От изгиба ее губ в груди Александра словно орел крыла простер, а в ушах загрохотали барабаны.

– Ваша милость, вы уверены, что он честный человек? – громко допытывалась мадам де Жовиньи у спутницы девушки, с сомнением разглядывая ростовщика.

Очередь дружно уставилась на «ее милость». Та съежилась, тихо прошипела:

– Уверяю вас, мадам, у месье Рюшамбо безупречная репутация, он даст вам наилучшую цену. – Окликнула девушку: – Габриэль!

Габриэль... Очень верное имя, хоть и непривычное для русского уха, зато ангельское, как сама красавица. Значит, если верить списку жильцов, она и есть Габриэль Бланшар. А «ее милость» – Франсуаза Турдонне. Для матери молода, для сестры старовата и внешне на Габриэль вовсе не похожа: невысокая, с мелкими чертами лица, носик вздернутый, живые карие глазки, пепельные волосы вьются короной над высоким лбом. Да и фамилия у нее иная, но обращается с девушкой ласково. Тетка, небось.

Мадам Турдонне склонилась к маленькому окошку в железной решетке, отделявшей хозяина лавки от публики. Александр привстал на цыпочки, пытаясь разглядеть, что дамы

---

² *Санкюлоты* (фр. «без кюлотов», «без коротких штанов») – революционно настроенные люди из простонародья.

сдают в заклад. Ломбардщик вдел в глазницу увеличительное стеклышко, повертел небольшой родовой герб – лазоревый щит из сапфира с тремя алыми башнями из рубинов.

Толстуха в фартуке кивнула на дам:

– Видали, что старорежимные принесли? А еще жалуются, что их преследуют! Мало их преследуют!

Габриэль покраснела, закусилла нижнюю губу, «ее милость» сжалась у окошка, словно пытаясь заслонить драгоценность. Одна мадам де Жовиньи обернулась, явно намереваясь властью поцапаться с санкюлоткой.

Александр быстро выступил вперед и строго спросил сторонницу ужесточения режима:

– Гражданка, вы недовольны тем, как Революционный трибунал делает свою работу?

Толстуха смешалась, отпрянула, потуже затянула грязный фартук на необъятной талии. Мадам Турдонне, не теряя времени, подпихнула госпожу де Жовиньи к прилавку. Дрожащими узловатыми пальцами в драных кружевных перчатках старуха развязала шнурки бархатного мешочка и выудила оттуда несколько драгоценностей. Ломбардщик положил на весы отделанный бриллиантами нательный крест. Приподнял острый нос, пробормотал что-то из-под усов.

– А он меня не обманывает? – бдительно поинтересовалась мадам де Жовиньи. – Этот крест подарил мне покойный Шарль, когда я родила Антуана.

Госпожа Турдонне принялась тихо убеждать ее, к ней присоединилась Габриэль. Наконец склочницу уломали. Ростовщик вынул из ящика конторки несколько ассигнатов, просунул их в окошко.

Мадам де Жовиньи уставилась на бумажные деньги республики, словно на дохлую жабу:

– Что это такое?! Что на это можно купить, по-вашему?

Толстуха не выдержала, высунулась из-за спины Александра, взвизгнула:

– Видали? Ассигнаты ей не нравятся! Наши революционные ассигнаты, между прочим!

Но очередь отводила глаза и отмалчивалась. Покупательная способность ассигнатов таяла весенним снегом, и никто из присутствующих не радовался необходимости обменивать драгоценности на бесполезные бумажки, хоть и напечатанные с повеления Национального Конвента. Девушка с ангельским именем растерянно теребила платок на груди.

Александр шагнул к санкюлотке, грозно предложил:

– Пройдемте-ка со мной, гражданка. Разберемся в трибунале.

Патриотка огляделась, подхватила юбку и поспешно покинула ломбард. Александр крикнул ей в спину:

– Привет и братство!

Старуха с кислым видом инспектировала полученные ассигнаты.

– Мадам, – решил окрыленный победой Александр, – для вас эта сделка весьма выгодна. Ведь ломбардщик позволит вам и выкупить ваши заклады ассигнатами, невзирая на их будущий курс. Не так ли, ситуайен Рюшамбо?

Ростовщик только кисло взглянул на Александра сквозь вставленное в глазницу увеличительное стекло. Но, видимо, старорежимная не привыкла торговать фамильными драгоценностями – у нее все еще оставались сомнения:

– А вдруг он украдет мой крест?

– Не украду, – равнодушно бросил процентщик.

– Так все говорят! – презрительно оборвала его старушенция. – Учтите, как только получу деньги от сына, тут же выкуплю все обратно!

Она продолжала мешкать, нащупывая в складках платья прорези для привязанных под юбкой карманов. Карманы съехали набок, и мадам де Жовиньи без малейшего смущения задрала подол, обнажив костлявые ноги в гармошке перекрученных чулок. Наконец ассигнаты были надежно припрятаны, и старуха двинулась к лестнице. Ее прямая спина говорила о сто-

летиях феодальных привилегий ничуть не меньше, чем ее дерзкие речи. Габриэль и мадам Турдонне поспешили за ней.

Александр намеревался скрепить знакомство, предложив дамам проводить их, но помешал гвардеец в черном плаще. Он опередил Воронина и, растопырив локти, застрял посреди узкой лестницы.

– Месье, ситуайен, пардон...

Александр и справа и слева пытался проскользнуть мимо гвардейца, но тот словно нарочно медлил: оправлял плащ, поддергивал перевязь, нахлобучивал шляпу с трехцветным плюмажем. Когда Воронин наконец-то выскочил на улицу, дамы уже свернули за угол. Впрочем, не беда, они же соседи, а приятное знакомство, можно считать, уже завязано.

У самого дома, в тени собора Сен-Жерве, Александр снова заметил странного гвардейца. Несмотря на июльскую жару, тот продолжал кутаться в плотный плащ.

II

АЛЕКСАНДР ВОРОНИН БЫЛ в Париже уже целую неделю, но голова от увиденного по-прежнему шла кругом: в Национальном Конвенте сидели люди, приговорившие к смертной казни собственного суверена! Правда, с тех пор некоторых из них – жирондистов³ – успели обвинить в предательстве революции. Этих сынов Вольтера и проповедников свободы скинули при помощи коммуны якобинцы⁴, более радикальные последователи Руссо и сторонники равенства. Прочие народные избранники присмирели и ныне слепо следовали за якобинским клубом и его вождем Робеспьером.

Это в столице. А провинции лихорадило куда сильнее: Нормандия, Лангедок, Бретань, Вандея, Прованс и Корсика были охвачены антиреволюционными восстаниями. У Воронина, отставного подполковника русской армии, дух захватывало от известий с фронтов. Четырнадцать французских армий отчаянно сражались с грозящими со всех сторон интервентами: пруссаки и австрийцы оттеснили солдат республики от Рейна, на юге испанцы перевалили за Пиренеи, побережье Франции блокировал английский флот. И со всеми изменниками и врагами народа якобинский Париж боролся с помощью двух своих вернейших союзников – месье Террора и мадам Гильотины. Каждый день рождались новые декреты и множились аресты заподозренных в измене генералов.

К сожалению, в Париже Александр был лишь сторонним наблюдателем того, как осуществляются на деле мечты Вольтера, Руссо и Дидро. Десять лет назад он не удержался и, находясь в познавательном вояже по Европе, тайком отплыл из Франции в Северную Америку, где под командованием де Ла Файета сражался за свободу тринадцати колоний Новой Англии. Но тогда, в семнадцать лет, море казалось по колено. Он был восторжен, безрассуден и верил, что фортуна всегда пребудет с ним, а впереди его нетерпеливо ждет слава. Письма дяди, грозящие опалой и возможным судом по возвращении в Россию, Александр выбрасывал в грязь Йорктауна. Однако лавры так и не стяжал: сначала его ранило в руку, затем наступило перемирие, а вскоре мать прислала весточку, что находится при смерти. Александр поспешил в Россию. Мать, Елизавету Платоновну, к счастью, застал в отменном здравии.

Вернувшись из тайной и безумной американской эскапады, молодой Воронин доблестно воевал в Крыму под командованием Суворова. После блистательной русской победы над османской Турцией вышел в отставку в чине подполковника и с тех пор маялся. Столичная жизнь после осад и боев показалась пустой, поскольку к азартным играм Воронин склонности не имел, в фавор не стремился, жениться не намеревался, а иного пути к великим свершениям при дворе, где заправлял «дуралеюшка» Зубов, фаворит императрицы, не предвиделось.

От скуки состоялась вздорная дуэль. Скандал замаяли, спасибо влиятельному дяде Василию Евсеевичу Воронину, но Санкт-Петербург все же пришлось покинуть. Начитавшись Руссо, Александр в поисках достойного занятия перебрался в родовое имение, намереваясь жить в гармонии с природой, добросовестно хозяйствовать и облегчать жизнь своих крестьян. Однако праведная деятельность помещика скоро опостылела. У матери насчет него оказались точно те же намерения, что и у столичных матрон, – женить, да поскорее. Александр затосковал и уже подумывал о возвращении в действующую армию, когда ему неслучайно повезло: дядюшка Василий Евсеевич внезапно собрался в секретный вояж в Париж, туманно объясняя это какими-то важными и конфиденциальными государственными потребностями.

---

³ *Жирондисты* — члены республиканской политической группировки, вольтерьянцы, сторонники свободы, свергнутые более радикальными якобинцами незадолго до описываемых событий.

⁴ *Якобинцы* — члены самой влиятельной политической партии Великой французской революции, последователи Руссо, сторонники равенства и применения насилия ради достижения целей революции.

Тайные нужды, видно, и впрямь были настоящими, если дядюшка, домосед и сибарит, давно оставивший службу в Коллегии иностранных дел, вдруг вознамерился покинуть любимое Рогачёво Старицкого уезда и подвергнуть себя не только тяготам путешествия, но и превратностям революции, которую почитал мерзостным и преступным бунтом. Тут уж Александр в стороне оставаться не мог. Всем сердцем почувал, что это и есть его счастливая фортуна, его необыкновенная судьба. Во Франции сегодня вершились великие дела, и многие соратники Воронина по Вирджинской кампании и в революционной республике успели выдвинуться на исторические роли. Знаменитый маркиз де Ла Файет превратился в гражданина Лафайета, автора великой Декларации прав человека и командующего Национальной гвардией. Генерала Филиппа Кюстина назначили главнокомандующим армии на Рейне, бывшие «американцы» Феликс Вимпфен и Александр Ламет тоже отважно сражались за республику. Один Воронин в деревне с озимыми ковырялся.

Он уговорил, улестил, уломал дядю. Василий Евсеевич сдался, взяв с племянника обещание заботиться о нем и слушаться беспрекословно. Александр обещал, сделав оговорку на тот случай, если дело коснется долга чести. Воронин-старший выправил себе паспорт на имя Базиля Ворне и вписал туда племянника в качестве камердинера.

Оказаться в Париже было неслыханным везением. Ее императорское величество Екатерина II, хоть и переписывалась когда-то с Вольтером и встречалась с Дидро, уже три года назад повелела собственным подданным покинуть мятежную Францию. Тогда вернулись в Россию молодые князья Голицыны. Поговаривали, что один из них – Дмитрий – даже во взятии Бастилии участвовал. Оставил революционную столицу и Павел Строганов, по слухам, вступивший в якобинский клуб. Александр их невероятным авантюрам страстно завидовал, но Франция становилась все недоступнее: полгода назад, сразу после казни Людовика XVI, императрица полностью разорвала дипломатические отношения с цареубийственной республикой. Тем сильнее тянуло Воронина внести собственную лепту в перевернувшие историю события.

Втайне надеялся, что самодержица послала дядюшку ознакомиться с новым государственным порядком, дабы и в России внедрить немного свободы, облегчить тяжкую долю крестьянства и тем самым предупредить новую пугачёвщину. Северная Семирамида хоть и перестала называть себя республиканкой, но продолжала пещься о просвещении народа, улучшении нравов и всеобщем благополучии. Опыт народовластия в духе излюбленных ею энциклопедистов и философов мог оказаться полезным и поучительным. Ежели Александр во Франции отличится, то не только себе славу снишет, но и родимому Отечеству немалую пользу принесет.

Перед отъездом не поленился, съездил в Братцево, где указано было проживать опальному якобинцу Павлу Строганову, расспросил его о революционных деяниях и, обязав словом чести хранить тайну своей поездки, испросил разрешения обратиться в Париже к бывшему гувернеру Строганова, а нынче известному якобинцу Ромму за протекцией и налаживанием связей среди членов нового парламента Франции – Национального Конвента. Захватил с собой и сохранившееся еще с американских времен рекомендательное письмо Лафайета.

В Париже Александр позорную личину камердинера скинул. Напуганные заговорами республиканцы каждого иностранца принимали за шпиона, так что Ворониным пришлось скрывать свое русское подданство, благо родной с детства французский позволил выдавать себя за коммерсантов из Нормандии. Поселились Ворне в доме вдовы Планель в бывшем квартале Маре, переименованном в секцию Дома коммуны. До революции Маре славился аристократическими особняками, но нынче половина домов стояла заколочена. Зато отсюда рукой было подать до Отель-де-Виль, то бишь городской ратуши, в которой свила себе гнездо Парижская коммуна. Последний год именно санкюлоты коммуны определяли жизнь в Париже, это ее сорок восемь секций стали острием революции. И Национальный дворец, бывший Тюильри, где заседал французский парламент – Национальный Конвент, – тоже располагался неподалеку от дю Барр.

Париж страшил, ошеломлял и завораживал. На площади Революции кровожадным языческим божеством вздымалась гильотина. Каждый день на эшафот поднимались выловленные неприятели, вернувшиеся эмигранты, заподозренные в роялистских симпатиях обыватели, обвиненные в утайке урожая крестьяне или лавочники, превысившие дозволенные максимумом цены. На площади Единства, бывшей Карузель, собирались патриоты: обсуждали последние события, клялись жить и умереть во имя республики – единой и неделимой. Стены узких зловонных улиц и дворцов сплошь залепили плакаты, воззвания и декреты. В садах Тюильри развели огороды, в остальных городских парках устроили плацы и обучали там новобранцев воинским артикулам. А поблизости дети играли в серсо или волан, пока их няньки строили глазки гренадерам. В роскошных ресторациях армейские поставщики и спекулянты выкладывали по триста ливров за ужин с трюфелями и устрицами, а перед булочными с рассвета граждане с меловыми номерами на спинах выстраивались в огромные очереди, прозванные хвостами.

С первого дня в Париже Александр начал исправно посещать места, в которых решалась судьба республики. Проведя несколько недель на галерее для зрителей в Зале равенства Национального Конвента, понял, что повестку дня в собрании устанавливают только члены партии якобинцев, да и то не все, а лишь те, кто способен риторикой или посулами воодушевить и повести за собой народ Парижа. Остальное большинство депутатов, презрительно прозванное болотом, покорно вотировало все их предложения, цитируя себе в утешение свободлюбивых римлян. Прочих фракций в Конвенте не осталось, с тех пор как в мае якобинцы добились ареста жирондистов, а знаменитый вождь революции Жорж Дантон, умевший увлечь за собой парламентское болото, отошел от политики. Правление якобинцев опиралось на всемогущую Парижскую коммуну, способную в любое время набатом вызвать на улицы всех рабочих, мастеровых и мелких торговцев столицы. Вдобавок коммуне повиновалась и городская милиция – отряды Национальной гвардии.

Насытившись вдоволь цитатами из Плутарха, Цицерона и Саллюстия и закусив постановлениями Общего совета коммуны, Александр за тридцать су обедал пищей материальной в одном из киосков Национального сада, а потом до сумерек бродил по городу. Вечера проводил с дядей. Со случайными людьми Ворне опасались сходитьсь, а от прежних американских сослуживцев Александра неуклонно левевшая революция успела отречься. Даже знаменитый генерал Лафайет, на покровительство которого Воронин возлагал столько надежд, не удержался на гребне событий. После падения монархии генерал покинул вверенную ему революционную армию и бежал в Австрию вместе с Александром Ламетом, другим соратником Воронина. Теперь оба сидели в австрийской тюрьме. Генерал Филипп Кюстин был отозван Конвентом из действующей армии, дабы оправдаться в потере Майнца. А генерал Феликс Вимпфен взял сторону свергнутых жирондистов и собирал в Нормандии мятежную армию добровольцев им на подмогу.

Революционный репертуар французских театров Василию Евсеевичу не пришелся по душе, так что единственными вечерними развлечениями остались карты да ужин. После третьей партии в «дурачков в навалку» и в «ерошки или хрюшки» дядя обычно интересовался:

– Чем трапезничать-то будем, Сашка?

Прислугу Воронины не держали, дабы не подслушивала и не подглядывала, так что хозяйство дядюшка поручил Александру. Тот быстро обнаружил, что разжиться в голодном Париже разносолами труднее, чем добыть провиант для полка в неприятельском тылу. Но сегодня все же надеялся порадовать Василия Евсеевича.

– Дядюшка, нас ждет пир горой! Я лангустов на рынке достал.

– Лангусты? – Василий Евсеевич поморщился. – Чего только французы не жрут с голодухи. Скоро пауков в бешамеле подавать наловчишься.

Александр пошел на кухню, перевернул корзины, опорожнил сундук, развязал все мешочки, потряс железными банками и браво отрапортовал:

– Бобы сушеные нашел! Еще две картофелины и ботву какую-то. Не уверен, что съедобная. И кусок сала.

– Сейчас все съедобное. Кидай все в котел с этими лангустами, такое блюдо лягушатники изысканным рагу называют! – повеселев, скомандовал дядя.

– Изысканным, кажется, не получилось, – констатировал Александр, попробовав готовую стряпню.

– От французов ничего хорошего и не жди, им главное – любую пакость назвать покрасивше. Жареные сухарики потерянным хлебом окрестили – «пан пердю», вареного петуха «кок-о-венном» объявили, а свое кровавое безобразие, – дядя кивнул на улицу, – счастьем человечества не постыдились наречь.

Наконец Александр торжественно водрузил на стол раскаленный котел. Дядюшка уже и салфетку за ворот заправил, и рюмку наполнил, предвкушая трапезу. Но попробовал, сморщился и ложку отложил:

– Я, Сашенька, неприхотлив, как инок на Афоне, но в следующий раз, умоляю тебя, не гонись ты за этой французской пакостью. Готовь что-нибудь привычное, простое – пироги, блины. Чем тебе щи да каша не угодили?

Александр дядюшка напоминал скорее Лукулла, нежели инока. Забыл новоявленный анахорет, как ему капуста похлебка с гороховой кашей обрыдли. Но без муки и яиц отставной подполковник печь блины с пирогами пока не научился. Впрочем, заметив расстройство племянника, Василий Евсеевич смиростивился:

– Ладно, в «никитишну» давай перекинемся.

Выбранной игрой и отличался один вечер от другого: иногда Василий Евсеевич затевал «мушку», «фараона» или стуюлку с прикупом, а иногда отдыхал душой за дурачками в навалку.

ОТ ОТСУТСТВИЯ ДЕЛА, развлечений и общества Александр все сильнее увлекался молодой соседкой. Габриэль Бланшар пленяла не одной только красотой. Воронина волновала в ней редкая для девушки невозмутимость, отстраненность и надменность. Даже ее серо-голубые глаза обдавали холодком. В другой это Александра оттолкнуло бы, но он влюбился, а в этом случае нравится то, что есть. Сколько точно лет было красавице – определить затруднялся, однако уверенная манера держать себя выдавала зрелость и сложившийся характер. Впрочем, соседки оказались аристократками, а за четыре года революции всем старорежимным пришлось обзавестись нелегким жизненным опытом. Узнать бы о них побольше. Жаль, в лавке Рюшамбо он так и не рассмотрел их фамильный герб. Описал бы его специалисту по геральдике, узнал бы, кем на самом деле являются дамы.

Через пару недель Александр не выдержал, вернулся в ломбард.

НА СЕЙ РАЗ в подвале было пусто, лишь одинокий месье Рюшамбо прел за толстыми прутьями частой решетки, да на темно-зеленом бархате маленькой витрины переливался и подмигивал бриллиантовый крест. Александр сразу узнал драгоценность, с которой так душевраздирающе расставалась полоумная мадам де Жовиньи.

– Простите, а почему крест продается? Вы же обещали владелице дать возможность его выкупить!

Ростовщик неохотно поднял голову, вынул из глазницы лупу:

– Вам какое дело? Если я что-то продаю, значит, имею право. Вы заинтересованы его купить? Пожалуйста, восемь луидоров.

Продажа креста Александра встревожила: вещь была явно дорога своей хозяйке, и залог за нее составлял лишь малую часть настоящей цены. Брошенное фамильное сокровище наводило на самые печальные предположения о судьбе задиристой аристократки.

Александр облокотился о стойку, прищурился:

– Восемь луидоров? Значит, вам больше не нравятся замечательные революционные ассигнаты? Ай-яй-яй. Это ведь строго карается законом.

Рюшамбо пожевал губами:

– Мне много чего не нравится, но, разумеется, я приму эту сумму в ассигнатах. Сделка совершенно законная: невыкупленные в срок вещи переходят в мою собственность.

– А что случилось с мадам де Жовиньи? Почему она не выкупила свой заклад?

– Не мое дело, – Рюшамбо демонстративно раскрыл тетрадь и принялся писать в ней, время от времени левой рукой перекидывая костяшки большого деревянного абака.

– Дайте мне ее адрес. Я бы хотел удостовериться, что владелица не заинтересована в выкупе.

– Адресов клиентов не выдаю. На то и ломбард, чтобы сделки через меня шли, – отрезал ростовщик.

Александр просунул в окошечко ассигнаты. Рюшамбо молча смахнул облигации в ящик и подал крест новому хозяину.

– Простите, а нельзя ли взглянуть на заклад гражданки Франсуазы Турдонне? Такой герб в виде лазоревого щита с рубинами? Если она его не выкупит, я бы, пожалуй, и его приобрел. Он мне сразу понравился.

– Мадам Турдонне герб выкупила, – процедил Рюшамбо.

В подвал вошел старик в напудренном парике и выцветшем камзоле с яркими следами от споротой золотой вышивки. Александр отошел в сторону, сделал вид, что тщательно рассматривает новоприобретенный крест. Краем глаза заметил внутри развернутой стариком тряпицы орден в виде креста с портретом посередине.

– М-м-м, крест Святого Людовика? – хмыкнул Рюшамбо, вооружаясь лупой.

– Большой крест Святого Людовика, – спесиво прошамкал старорежимный бедолага, пытающийся выжить продажей прежней чести.

Александр покинул ломбард. Здесь больше нечего было делать. Рюшамбо не собирался выдавать свои тайны. Но судьба чокнутой старухи Жовиньи невольно тревожила.

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ Воронин заметил в окне уходящую со двора Габриэль. Захлопнул энциклопедию и, не отвечая на кудахтанья покинутого дяди, помчался следом за девушкой. Наконец-то застанет ее одну, наконец-то сможет завести с ней разговор.

Впрочем, Габриэль в летнем платье из розового шелка неслась так стремительно, что он не посмел останавливать ее и до самого Пале-Эгалите следовал за соседкой в некотором отдалении, надеясь на удачный случай. В эти послеполуденные часы знойной июльской субботы торговые аркады и парк бывшего Пале-Рояля переполняла шумная, разношерстная, празднующая публика, состоящая из мастеровых, солдат и мелких чиновников. Мадемуазель Бланшар прогуливалась по тенистой галерее вдоль торговых лавок.

Александр уже собирался догнать ее и учтиво предложить свое сопровождение, как вдруг у кафе «Феврие» Габриэль громко окликнула стройную белокурую девушку в шляпе с черной кокардой и зелеными шнурами:

– Мари, Мари!

Мари обернулась. У нее оказалось миловидное, ничем не примечательное лицо. Почему-то она не остановилась, а, наоборот, подхватила юбку и постаралась скрыться в толпе, но Габриэль не сдалась: нагнала ее и ухватила за руку.

Александр следил за ними из-за ствола липы. Было очевидно, что Мари встрече нисколько не обрадовалась – она явно намеревалась оборвать разговор и уйти. Однако мадемуазель Бланшар не уступала: шла рядом с ней и что-то упорно твердила. Мари бросила короткий ответ, потуже запахнула косынку на груди и прибавила шаг. Габриэль продолжала настаивать. Хотел бы Александр, чтобы красавица так его о чем-нибудь просила. Видит бог, ей бы не пришлось долго стараться. Постепенно Мари смягчилась: уже не делала попыток убежать, даже позволила Габриэль взять себя под руку.

Девушки шли по Круа-де-Пти-Шан так, словно не по колдобистой мостовой ступали, а плыли над землей. Их скользкая походка и умение смотреть мимо людей выдавали в них старорежимные очевиднее, чем их шелковые платья. Может, поэтому встречные ремесленники в грубых длинных штанах и распахнутых на груди хлопковых рубахах не уступали «бывшим» дорогу, а наглые парижские прачки с засученными рукавами нарочно задевали ненавистных аристократок.

Внезапно Габриэль остановилась, загородила подруге дорогу, схватила ее за руки, принялась жарко в чем-то убеждать, даже ногой топнула. Мари, похоже, теперь оправдывалась, а мадемуазель Бланшар качала головой в знак отказа. Александр с возмущением заметил, что два щеголя в вызывающих сюртуках с огромными лацканами и в шейных платках размером со скатерть остановились и, играя тросточками, принялись лорнировать барышень.

Мари опять вырвала руку и ринулась вперед, но Габриэль и на этот раз догнала ее и цепко ухватила за локоть. Девушки оказались так близко от Александра, что он едва успел спрятаться за лотком с сине-бело-красными флажками.

Мари спросила:

– Обещаешь?

Габриэль дернула плечом:

– Обещаю, обещаю.

Дальше обе продолжили свой путь, беседуя уже по-дружески. Их опережали лавочники в полосатых жакетах, им подмигивали военные в треуголках и мундирах цветов триколора, а крестьяне в сабо и войлочных шляпах почтительно уступали дорогу парижанкам. На площади Национальных Побед подруги крепко обнялись. Кажется, дав какое-то обещание, мадемуазель Бланшар добилась всего, чего хотела.

Мари, не оглядываясь, поспешила к наемным фиакрам, которые поджидали седоков вокруг нелепой деревянной пирамиды, воздвигнутой на месте снесенной статуи Людовика XIV. Когда она поднималась на подножку кареты, из складок ее юбки выпал длинный кухонный нож в шагреневых ножнах. Мари быстро подняла его, оглянувшись, спрятала оружие обратно в карман и скрылась внутри фиакра. Кучер тряхнул вожжами, кляча тронулась.

Воронин взглядом поискал Габриэль. Опустив голову, мадемуазель Бланшар медленно брела по Круа-де-Пти-Шан.

Странная это была встреча: девушки явно близко знали друг друга, но светленькая пыталась избежать разговора. Тем не менее Габриэль навязала той свое общество и принялась ее в чем-то убеждать. Обе даже поспорили, и в конце концов настойчивая мадемуазель Бланшар одержала верх: под конец свидания Мари слушала и согласно кивала. А распрощались обе уже с жаром и печалью, словно навеки.

Александр с восторгом почувствовал тут какую-то тайну. Куда и зачем послала Габриэль белокурую подругу? И почему Мари прятала нож? Узнать это можно было, лишь последовав за ней. После минутного колебания он решил отложить куртизирования за привлекательной соседкой и поспешил за фиакром Мари.

БЛАГОДАРЯ СУТОЛОКЕ И дряхлости росинанта экипаж едва двигался, и Воронин легко поспедал за ним. Путь оказался долгим: по Пон-Нёф карета перебралась на левый берег,

миновала Сен-Жерменское аббатство, превращенное в пороховой завод и тюрьму, проследовала мимо монастыря Кордельеров в предместье Славы, бывшее Сент-Антуанское, проехала вдоль темной громады Пантеона и потянулась в гору по длинной, узкой и грязной улице Кордельеров.

Чирикали воробьи, цокали копыта о булыжную мостовую. Часы пробили восемь, улица погрузилась в тень, только в окнах верхних этажей еще отражался закат. Александр уже собрался бросить бесконечное преследование, как экипаж остановился. Воронин едва успел укрыться за ближайшим углом. Девушка спрыгнула на землю и вошла в распахнутые ворота одного из домов. Пересекла крохотный дворик, огляделась, поднялась по наружной лестнице с коваными перилами на второй этаж и постучала в дверь. Ей открыла служанка. Мари быстро скользнула внутрь. Дверь захлопнулась.

С улицы послышались шаги. Александр спрятался в углу опустевшего дворика за колодецем. В воротах появились двое рабочих, один тащил кипу типографской бумаги. Они поднялись по той же лестнице, что и Мари, и вошли без стука, как к себе домой. Из распахнувшейся двери вырвалось мерцание свечей, донеслись женские голоса и будничные перезвон посуды.

Обычный дом, ничего загадочного. Не стоит терять здесь время. Александр уже выступил из укрытия, торопясь окликнуть все еще хлопотавшего вокруг кобылы кучера фиакра, как из дома вырвался отчаянный женский вопль:

– Мон дьё! Они убили его! Его убили!

В квартире закричали, кто-то побежал, гулко упала мебель, зазвенело разбитое стекло.

Пока Александр колебался – бежать на улицу или в дом, – из соседней двери выскочил и бросился на шум мужчина в красном фригийском колпаке. За окнами замелькали фигуры, истошно завопила женщина, выбежал гражданин, заорал:

– Врача! Врача! Полицию! Марата убили!

Тут же двор заполнили соседи и прохожие, все они ринулись внутрь, за ними просочился и Александр.

В коридоре растекалась алая лужа, в ней валялась растоптанная зеленая шляпка Мари, пол пятнали кровавые следы. Саму Мари держал за локти рабочий, только что принесший кипу бумаги, а в волосы девушке вцепилась молодая брюнетка. Не размышляя, Александр подскокил и оторвал нападавшую, ее тут же обняли голосившие утешительницы. В глубине коридора сквозь распахнутую дверь виднелось наполовину вывалившееся из медной ванны нагое тело мужчины, голова его была замотана светлым полотнищем. Вода в ванной была красной, весь пол тоже залила кровь.

Кто-то кричал оставшимся на улице:

– Марата убили! Друг народа заколот ножом! Убийца – аристократка! Ее схватили! Где полиция? Позовите полицейского комиссара! Пошлите за представителями Конвента!

Домочадцы причитали, соседи суетились, одна бледная Мари, вся в крови, с растрепанными белокурыми волосами, стояла спокойно, словно не понимала, что произошло. Растерзанное платье сползло с ее плеч и обнажило грудь, она тихо попросила стоявшего за ней санюлота:

– Освободите мне руки – платье оправить.

Мастеровой только злобно тряхнул свою добычу но Александр метнулся к нему:

– Дайте ей прикрыться, вы ведь не животное.

Тот на секунду растерялся, видимо, не зная, как правильно поступить, потом все же отпустил руки девушки. Ни на кого не глядя, Мари натянула платье на плечи и вытащила из-под корсажа какое-то письмо. Письмо у нее тут же выхватили, а руки стянули за спиной веревкой. Вокруг ахали, кричали, рыдали, проклинали убийцу, а она словно не слышала, уставившись поверх голов и беззвучно шевеля посеревшими губами.

Сквозь заполнивших квартиру зевак протиснулся хирург, констатировал смерть Друга народа. Синее тело вытащили из ванны, перенесли на софу. Молодая женщина, та, что рвала волосы Мари, теперь душераздирающе рыдала, прижавшись к покойнику.

Из секции Французского театра прибыли национальные гвардейцы, окружили связанную Мари и оттеснили возмущенных. Вскоре примчался запыхавшийся полицейский комиссар с чиновниками.

– Добрые патриоты, расступитесь!

Комиссар взглянул на труп, затем осмотрел место происшествия. Полез под ванну, выудил оттуда кухонный нож с костяной рукояткой и окровавленным лезвием. Повернулся к девушке:

– Как вас зовут?

Та ответила еле слышно:

– Мари Анна Шарлотта де Корде.

– Это ваш нож?

Она кивнула.

– Кто вас послал?

У Александра все сжалось внутри – сейчас Мари Шарлотта скажет: «Габриэль Бланшар». Но девушка ответила тихо и решительно:

– Любовь к свободе и ненависть к тиранам. – С недоумением добавила: – Эти несчастные люди требуют моей смерти. Они должны воздвигнуть мне алтарь, я спасла их от чудовища!

Голос мадемуазель Корде заглушили крики и проклятия, кто-то норовил ударить ее, и, если бы не гвардейцы, «несчастные люди» разорвали бы свою спасительницу на месте.

– Добрые патриоты, ее нельзя убивать, пока мы не раскроем весь заговор! – кричал комиссар.

Раскрывать заговор он начал с опроса присутствующих, и Александр почел за лучшее выбраться на улицу. Он-то знал, кто послал Шарлотту, и невольно надеялся, что убийца не выдаст соучастницу. Во дворе допрашивали привезшего девушку кучера, но вряд ли тот заметил, что до фиакра Мари Шарлотту проводила сообщница.

ВОЗВРАЩАТЬСЯ НА ПРАВЫЙ берег пришлось пешком. Жаркий, душный город бурлил, навстречу текли толпы с чадящими факелами в руках. Группа патриотов пела свой гимн «Са ира!»:

*Аристократа веревка найдет.
Дело пойдет, дело пойдет!
Аристократов повесит народ,
А не повесит, то разорвет,
Не разорвет, так уж сожжет.
Дело пойдет, дело пойдет!*

Остальные с яростью подхватили:

– На фонарь! Аристократов на фонарь!

Александр заметил, что при этом многие недобро поглядывали на него. Он и сам знал, что мало похож на санкюлота. Худошавый, высокий, кость тонкая, нос с подозрительно аристократичной горбинкой, длинные, светлые волосы схвачены на затылке лентой, а одет хоть и просто, но слишком изящно для рабочего из парижских предместий. К тому же двигался навстречу обозленным ватагам уверенным, размашистым, легким шагом и глядел на поющих недостаточно восторженно-патриотично. От греха подальше Воронин свернул в темные проулки. Шпагу он в Париже не носил, а без нее был лишен возможности защищать свою честь.

Имелось, правда, свидетельство о благонадежности, но сегодня ночью добрые патриоты были расположены любого заподозренного в благородном происхождении вздернуть на фонарь, не отвлекаясь на проверку документов.

Воронин проплутал по незнакомому городу до глубокой ночи, обходя горевшие на перекрестках костры с пляшущими карманьолу санкюлотами. От всего этого захватывало дух. Париж не обманул, сразу встретил необыкновенными событиями. Ему случалось читать газету Марата, все парижане знали Друга народа. И сама газета, и ее издатель и сочинитель, в каждом выпуске требующий как можно больше казней, вызывали у Александра отвращение. Но и убийство беззащитного больного в ванной мало чем отличалось от призывов самого неврастеника. И все же девушка была такой хрупкой, такой юной и мужественной! Настоящая Жанна д'Арк! И убила не из-за угла, а смело, собственной рукой. Не побоялась ни расправы, ни наказания. Хорошо все-таки, что он смог заступиться за нее, заставил санкюлота проявить к ней уважение.

Другое дело – мадемуазель Бланшар. Он ведь видел, как она упорствовала, убеждала, не отставала от Шарлотты, пока не добилась своего. Подбила полубезумную девушку на преступление, а сама осталась в стороне. Услала подругу на верную смерть и спокойно ушла домой. И никто, кроме него и Шарлотты, не знает об этом.

Похоже, мужественная и стойкая мадемуазель Корде не собиралась выдавать никого из сообщников. У Александра руки тоже были связаны. Не вызывать же мадемуазель Бланшар на дуэль! И сдать девицу властям русский дворянин не способен. Но следить за таинственной соседкой ему никто запретить не мог.

III

РОГАТАЯ ГАРГУЛЬЯМИ ТЕНЬ церкви Сен-Жерве уже наползла на улицу дю Барр, когда Габриэль добрела до дома. Входная дверь оказалась запертой, и на стук никто не отвечал: консьержку рачительная домовладелица не держала, спальня тетки выходила в соседский двор, а Пьеру и Жанетте лень да и боязно выходить и проверять, кто в дом бьется. Наконец дверь распахнулась, из нее вышел мужчина в черном плаще. Он галантно придержал створку и жестом пригласил девушку войти. Секунду она колебалась: в этот знойный вечер незнакомец кутался в плащ и выглядел зловеще. Но он же выходил! К тому же воспитание не позволяло ответить на вежливость грубым недоверием. Габриэль ступила в полумрак парадного, гвардеец тут же шагнул вслед за ней и захлопнул дверь! В наступившей крошечной тьме девушка взвизгнула, метнулась к лестнице, споткнулась о ступеньку и упала, больно ударив голень и левый локоть. Услышала над собой сдавленное сопение, тихое бормотание, почувствовала чужие руки, шарящие по ее телу. Потеряв голову от ужаса, она завизжала:

– Спасите, спасите!

На верхней площадке распахнулась дверь, свет из проема очертил широкоплечий, плотный мужской силуэт. В руках сосед держал взведенный пистолет, который тут же навел на посягателя.

– Что происходит? Кто такой? – голос у него был твердый и зычный. – Пшел вон, каналья!

Человек в плаще отпрянул от Габриэль. Она тут же вскочила, подобрала юбки, стремглав взлетела по ступенькам и шмыгнула за спину соседа. Внизу гулко грохнула парадная дверь: насильник удрал.

Сосед участливо поинтересовался:

– Вы невредимы, мадемуазель?

Еще задыхаясь, Габриэль выдохнула:

– Вы видели этого гвардейца, месье? Кто он такой?

– Понятия не имею, мадемуазель.

Габриэль потеряла локоть:

– Месье, простите, не знаю вашего имени. Я вам очень благодарна.

– Ворне, Базиль Ворне. К вашим услугам, мадемуазель. Впрочем, нынче вроде полагаются именоваться ситуайенами, – в голосе пожилого господина звучала насмешка над революционными требованиями.

Габриэль поняла, что имеет дело с человеком своего круга. У него была короткая седая борода, а над смеющимися глазами – густые смоляные брови с изломом. Она чуть присела в привычном поклоне:

– Габриэль Бланшар, счастлива знакомством, месье Ворне.

Сосед усмехнулся:

– Оставьте, милая, церемонии. Они сейчас только неприятности на вас накличут. Экономная наша Бригитта даже фонаря у входа не оставляет. Вы с собой хоть огарок носите.

– Это все моя вина, я без ключа оказалась. Сейчас зайду к хозяйке, выпрошу еще один. До чего дошло – национальные гвардейцы уже на лестницах нападают!

– Подождите минуту, – он скрылся в глубине апартамента.

Габриэль заглянула внутрь: в коридоре блестела красным деревом консоль, стены переливались серебристым шелком. В гостиной красовались похожие на древнеримские жакобовские кресла, ставшие модными из-за современных картин, живописующих Античность. На девушку пахло кожей, лавандой, табаком и одеколоном.

Месье Ворне вернулся уже без оружия, протянул зажженную свечу:

– Вот, голубушка, чтоб вы хоть лестницу видели.

– Значит, вы и есть новый жилец, для которого декорировали эти апартаменты? Вы ведь недавно сюда переехали?

– Недавно, вместе с племянником Александром Ворне.

Габриэль уже заметила высокого худошавого красавца с длинными светлыми волосами, собранными на спине черной лентой. И сразу поняла, что нравится ему. Он даже в ломбард за ней пошел, переминался там за ее спиной, дышал ей в макушку, а потом так смело одернул зарвавшуюся санюлотку И сегодня в Пале-Рояль за ней потащился.

– А откуда вы?

– Из Нормандии. Я коммерсант.

– Боже, какая же сегодня коммерция? – Тут же осадила себя: – Простите, месье, я не подумав.

– Да не извиняйтесь. В мутной воде рыбка лучше ловится.

Месье Ворне, конечно, был прав. На различных поставках четырнадцати армиям республики, на перепродажах конфискованных земель и имущества, на обесценивании бумажных ассигнатов, на ростовщичестве – на всем, что ввергало остальных в нищету, – небрезгливые люди сколачивали гигантские состояния. Выходит, заступившийся за нее учтивый сосед оказался из числа подобных ловкачей. Значит, и племянник его, который так уверенно приструнил хамку в закладной лавке и держался с благородством дворянина и отвагой военного, на самом деле торговец, покупающий в Нормандии задешево и продающий в Париже задорого. Теперь понятно, откуда шелковые обои в такие времена.

– А откуда из Нормандии?

– Э-э-э... Из Кана.

– Из Кана? Месье Ворне, я воспитывалась в тамошнем пансионе при бенедиктинском монастыре Святой Троицы. Может, вы знакомы с нашей настоятельницей – мадам де Бельзенс де Кастельморон?

– Нет, увы, не имел чести.

Ах, верно, откуда спекулянту приятельствовать с аббатисой!

– Сделайте милость, расскажите, что там на самом деле происходит.

Именно туда, в Кан, бежали девятнадцать предводителей жирондистов, обвиненных якобинцами и Парижской коммуной в предательстве революции. Габриэль не испытывала к свергнутым революционерам ни малейших симпатий, но с их устранением режим стал только жестче, гильотина скользила в пазах все чаще, власть окончательно перешла к секциям коммуны, а жизнь не улучшилась ни на йоту. К тому же жирондисты пользовались поддержкой провинций, и, по слухам, генерал Вимпфен формировал в Кане добровольческую армию, готовую идти на Париж свергать якобинскую узурпацию. Габриэль от всей души желала повстанцам успеха, поскольку их победа позволяла надеяться на возвращение прежних порядков.

Но месье Ворне только неопределенно поиграл пальцами:

– Всякое происходит. Лучше об этом не говорить, голубушка.

– Я вас умоляю, расскажите хоть что-нибудь! Что с армией генерала Вимпфена?

– С армией генерала Вимпфена? – Месье Ворне почесал бровь. Заметив ее удивленный взгляд, успокоительно махнул рукой: – Воюет себе помаленьку.

– Не может быть! Разве она уже сформирована?

– Да я как-то мало интересуюсь сведениями с фронтов, – безмятежно ответил месье Ворне.

Габриэль почувствовала неловкость за собеседника. Вряд ли человек, прибывший из Кана, нес бы такую околесицу. Впрочем, она сама виновата, привязалась к соседу как банный лист. Он явно что-то скрывал, и ее расспросы застигли старика врасплох.

Месье Ворне кивнул на лестницу:

– Позвольте, я вас провожу?

- Спасибо, месье, с помощью вашей свечи я прекрасно поднимусь.
- Если я могу вам хоть чем-нибудь быть полезным, стучитесь без робости, прошу вас.
- Мерси, месье! Доброго вам вечера.

Освещая ступеньки подаренным огарком, Габриэль поднялась к мансарде, где пауком под стрехой засела хозяйка дома Бригитта Планель. Домовладелица встретила жилицу сурово и дополнительный ключ выдать наотрез отказалась. Гражданка Планель давно растеряла всю ту любезность и угодливость, с которой обращалась к мадемуазель Бланшар и мадам Турдонне в первые месяцы их проживания в ее доме. С каждым ужесточением в правительстве хозяйка становилась все суше с нищими съемщицами, а последние полгода, после казни короля, и вовсе заподозрила, что дамочки-то – бывшие аристократки.

И все-таки Габриэль не утерпела:

- Гражданка Планель, а что за люди эти Ворне?

Бригитта оперлась бедром о дверной косяк, ради удовольствия посплетничать снизошла до неблагонадежной жилички:

– Достойные граждане! Очень уважаемые! Состоятельные, почтенные. Заплатили за год заранее!

Жаль, Ворне не спросили Габриэль, каково жить в этом доме после того, как уляжется радость владелицы от полученных денег. Виконтесса де Турдонне уплатила за три года вперед, с тех пор миновала лишь треть срока аренды, а они уже чувствовали себя назойливыми приживалками.

– Расспрашивали про остальных жильцов. Ты и тетка твоя им очень не понравились, – Бригитта тыкала «бывшей» с нескрываемым торжеством.

- Вы им что-то про нас сказали?

– А мне скрывать нечего! У меня все на виду. Их, конечно, старорежимные не обрадовали, но такие апартаменты, да в таком месте, да с садом и воротами, где еще найдешь?

Мало у кого в Париже были деньги снимать дорогие квартиры, а Бригитта Планель не держала консьержку и не освещала лестницу. Гораздо экономнее было окрестить садом пыльный крошечный дворик с вытопанной травой и зарослями дикой жимолости у ограды.

– Молодой гражданин Ворне такой красавчик и такой учтивый! Ручку целует! – сдавленный корсажем бюст домовладелицы заштормило от смущенного хихиканья.

- А откуда они?

Хозяйка посуровела. Жильцы принадлежали ей, делиться ими она не собиралась.

- А чего это ты ими так интересуешься?

- Просто так. А кто этот национальный гвардеец в черном плаще?

- Какой еще гвардеец?

– Темноволосый такой, с бородавкой на левой щеке. Я его уже несколько раз в округе видела, а сейчас он навстречу мне вышел.

- Знать не знаю никакого гвардейца. Небось к тетке твоей таскается.

Бригитта Планель захлопнула дверь.

ДОМА ФРАНСУАЗА УЖЕ садилась за стол:

- Где вы были, мадемуазель? Я страшно волновалась.

Габриэль предъявила саднящий локоть:

- Мадам, смотрите, как я на лестнице грохнулась.

- Что за выражения, душа моя? Покажите. Бедняжка. – Поцеловала Габриэль в лоб. –

До свадьбы заживет.

- Вряд ли мы сами до моей свадьбы доживем.

Габриэль тут же пожалела о своем замечании. Тетка не заслуживала раздражения, и не ее вина, что мир перевернулся. Но даже в перевернутом мире в двадцать два года хочется любви и счастья.

– Вот я вам свой ключ одолжила, в результате меня в дом впустил тот самый гвардеец, которого мы на днях в ломбарде видели. Захлопнул за мной дверь и тут же напал на меня на темной лестнице.

– Напал?! Не может быть!

– Почему не может быть? Что, национальные гвардейцы – ангелы?

Тетка смутилась:

– Я имела в виду: как это случилось?

– Он придержал мне входную дверь, а едва я вошла, захлопнул ее за мной и набросился на меня. К счастью, на мои вопли выскочил с пистолетом наш новый сосед снизу, месье Ворне, и мерзавец сбежал.

Франсуаза всплеснула руками:

– Я просто не могу поверить! Он на вас набросился?

– Мадам, вы его знаете? – Мелькнула шальная мысль: уж не для него ли тетка выпросила второй ключ? – Что он делал в нашем доме?

Франсуаза де Турдонне отвернулась к зеркалу, легкими движениями пальцев взбила пышные пепельные кудри на висках.

– Понятия не имею, кто это. Вы голодны, душа моя?

– Еще как. Станный этот месье Ворне. Зачем-то врет, что он из Кана, а сам понятия не имеет, что там творится.

– Сегодня только сумасшедшие и злодеи ничего не скрывают. Прошу вас к столу. Жанетта приготовила свой волшебный суп из требухи.

IV

ВСЮ НОЧЬ ЧЕРНЬ шумела на улицах и чад факелов проникал в опочивальню. Несмотря на духоту Александру пришлось захлопнуть все окна и закрыть ставни. Бил колокол рагуши, и бабахали пушки с мостов, но, пока ночной патруль не ворвался в дом, следовало спать, даже если всю ночь за защитником Мари Корде гонялся истекающий кровью Марат с огромным тесаком в руке.

Утром Воронин встал разбитый. Дядюшка уже восседал в своем любимом кресле: умытый, седая борода аккуратно подстрижена небольшим клином а-ля мушкетер, в вороте шлафрока щегольским манером повязан свежайший шейный платок, в безгловато отставленных руках – развернутый «Монитор».

– Санька, пока ты тут дрых, Марата убили!

Александр промычал что-то невнятное, прошлепал в ретирадное место, оттуда на кухню, умылся остатками холодной воды, почистил зубы смесью мела, мяты и мыльных стружек. Вернулся в гостиную, растирая торс полотенцем. Комнату заливало солнце, пахло свежесваренным кофе, и в мире стало одним мерзавцем меньше.

– А убила его, – с удовольствием повествовал Василий Евсеевич, – молодая девица, причем аристократка, некая Мари Анна Шарлотта Корде д'Армон.

Александр взял газету. «Монитор» сплошь состоял из некрологов, превозносивших великого апостола и мученика свободы, который жил и погиб ради счастья народа. Страницы заполняли требования секции Пантеона, Общественного договора, Друзей Родины, Пик, Кордельеров и прочих секций Парижской коммуны воздать погибшему защитнику нации величайшие почести. И все единодушно требовали беспощадной кары его убийцам: девице Корде и подославшим ее жирондистам. Отменялись даже торжества по поводу очередной годовщины взятия Бастилии. Якобинцы с утра заседали в своем клубе, где наперебой клялись отомстить врагам народа. Все их дебаты пресса цитировала дословно, как будто это были важные государственные акты.

Александр швырнул «Монитор» на пол:

– Марат получил только то, что заслуживал. «Друг народа» постоянно твердил, что царство свободы, равенства и братства без кинжалов и плах не построить.

– М-да... – Василий Евсеевич пошевелил бровями. – Но для нас это не слишком удачно. Каннибал и так уже подыхал от своей экземы, в последнее время от него многие отвернулись. Собственные соратники и те его обезьяной и бешеной собакой обзывали, даже для них он стал слишком кровожадным. А эта Корде из бесноватого создала мученика. Теперь иначе как божественным его уже и не называют. Сейчас террор неминуемо усилится. А раз его убила аристократка, то за это поплатятся все аристократы, причем первая – королева.

Мария-Антуанетта, вдова казненного Людовика XVI, содержалась под стражей в замке Тампль, и поговаривали, что ее тоже вскоре будут судить. Суд мог закончиться только казнью, что само по себе, конечно, огорчительно, но с какой стати это взволновало Василия Евсеевича, которого чужие дела отродясь не тревожили? Александр разжег угли в очаге, водрузил котелок с водой на печной под.

Дядюшка продолжил комментировать новости:

– Теперь якобены скачут, будто бесы перед заутреней. Баррас, соратник-монтаньяр, ишь как распинается! Подзабыл уже, что прозывал мученика революции припадочной рептилией. А живописец этот их, Жак-Луи Давид, тоже подсуетился: планирует «божественному» Марату торжественные похороны. – Пошуршал страницами, выудил новую пакость: – У королевы забрали сына. Людовика XVII отдали на воспитание сапожнику.

Не похоже на дядю так горячиться из-за несчастий других людей, пусть даже и королей.

– А что еще пишут про вчерашнее убийство? Про эту Шарлотту?

– Сообщают только, что под одеждой у нее обнаружили приколотое воззвание к французам. Но радетели свободы не раскрывают народу, что там было написано. Ее сегодня допрашивают в тюрьме аббатства, ищут соучастников.

– Нашли кого-нибудь?

Дядя поверх очков уставился на племянника:

– Тебе-то что?

Александр сбивчиво рассказал Василию Евсеевичу про вчерашние события.

– Я сам видел, как Габриэль подстерегла мадемуазель Корде и очень настойчиво убеждала ее до тех пор, пока та не согласилась и не отправилась к Марату. Даже обещала ей что-то.

Василий Евсеевич засунул за щеку кусочек сахара, зажмурился от удовольствия, поинтересовался:

– Это что ж такого заманчивого нужно наобещать, чтоб монастырская воспитанница согласилась нагого революсьонэра ножом пырнуть?

– Этого я не знаю. – Ехидство дядюшки задело, и тем сильнее Александр упорствовал: – Но я своими ушами слышал, как Корде спросила: «Обещаешь?» – а Габриэль ей ответила: «Обещаю! Обещаю!» И Шарлотта тут же села в фиакр. Она действовала по указаниям мадемуазель Бланшар. Только про это пока никто не знает.

– Ну и леший с ними со всеми. Марат этот бешеный пес был, так что собаке собачья смерть.

– Я на суд пойду. Не каждый день такое случается.

Василий Евсеевич нахмурился:

– Не лез бы ты любоваться этими делами. Сегодня ты зритель, завтра – участник, а послезавтра того и гляди сам жертвой окажешься. К тому же суд еще не начался. Газеты пишут, что Комитет общественного спасения покамест принимает заявления от граждан касательно убийства. – Брезгливо отбросил газету на пол: – Доносительство стало гражданской добродетелью. Облагодетельствованный братством и свободой народ усердно строчит доносы.

Александр допил желудевый кофий, не чувствуя вкуса напитка. Из газет теперь все узнают, как выглядит Шарлотта Корде. Стоит кому-нибудь вспомнить, что вчера убийца Марата прогуливалась по Пале-Эгалите вместе с голубоглазой брюнеткой, тотчас выпытают из обвиняемой имя соучастницы и арестуют мадемуазель Бланшар. Да Шарлотта и сама может во всем признаться. Непросто утаить что-либо, когда тебя день и ночь допрашивает Революционный трибунал. А для вынесения смертного приговора старорежимной одного слова достанет с лихвой.

Тут Василий Евсеевич напомнил, что хорошо бы племяннику не ворон считать, а за хлебом сходить. За поставкой провизии дядюшка следил суровее, чем протопоп Аввакум за постами.

МАЛО К ЧЕМУ человек привязывается так, как к вкусу родного, привычного с детства хлеба. Запеченная хрустящая корочка ситного, нежные коврижки с воздушной мякотью, искусно украшенный свадебный каравай, сдобные пироги, пшеничные сайки, ржаной квасной кирпичик, плотный и тяжелый, – по всему этому Александр тосковал больше, чем по прочим домашним разносолам. Но с хлебом в Париже беда. Белые багеты печь запретили, а ячменно-ржаной «хлеб равенства», по шесть су за фунт, перво-наперво полагался тем, у кого имелись талоны от своей секции. Прочие равные граждане отстаивали длиннющие очереди. Маяться в них приходилось и Александру, потому что держать слугу Воронины не решались: привезенный с собой русскоязычный человек сразу возбудил бы подозрения, а местный запросто донес бы на странных хозяев. Александр пытался договориться с Жанеттой, кухаркой соседок, чтобы брала заодно и четырехфунтовый каравай для Ворне, но в одни руки лишней буханки не выдавали.

Предметом спекуляции могла оказаться даже эта страшная, черная и липкая смесь всевозможных злаков, этот «секционный» хлеб, который дома собакам бы постыдились кидать. Так что три раза в неделю Александр вставал до рассвета, брел к ближайшей пекарне, расположенной на задворках ратуши у церкви Сен-Жан-ан-Грев, и маялся там часами, держась за веревку, определяющую, кто за кем. Впрочем, в парижских хвостах нашлись и маленькие развлечения: в них горожане отводили душу, поскольку любые другие сборища были запрещены. Старорежимные жаловались, санкюлотки винили спекулянтов и врагов нации, патриоты шутили – и все обменивались новостями. В очередях по большей части стояли женщины, а они всегда и везде хорошо относились к Воронину: те, кто помоложе, флиртовали с пригожим светловолосым шутником, а пожилые опекали худого и уctивого молодого человека.

Но сегодня ставни хлебной лавки Нодье оказались захлопнутыми. На мостовой сплетничали две кумушки, обе уставились на Александра.

– Привет и братство! – весело приветствовал он теток галантным полупоклоном. – Откроют ли лавку, добрые патриотки?

– Некому открывать. Булочника сегодня казнили, – настороженно ответила одна из них. Александр опешил:

– Как это? Почему?

Женщина переложила корзину из руки в руку:

– Может, продавал из-под полы дороже максимума. Или утаивал.

– Пекарь – нынче опасное ремесло, – поддакнула вторая. – Если полки пусты, то кто виноват?

Булочник Нодье был круглый, веселый и приветливый, вечно обсыпанный мукой и пахнущий теплой выпечкой. Он стоял на раздаче счастья, пусть даже это счастье было с трухой и жмыхом. Перебрасывался шутками с покупателями, спешил обслужить всех как можно быстрее. Ему помогали сын-подросток, две дочки и жена, все такие же белобрысые и сдобные, как он сам. Но кто-то пожаловался, и этого оказалось достаточно.

– И что же теперь? – глупо спросил Александр.

– На рынке перед ратушей тоже есть булочная, – тетка махнула рукой по направлению к Гревской площади. – Только там теперь очередь выстроится еще длиннее.

Тащиться по солнцепеку в другую пекарню показалось предательством по отношению к несчастному булочнику да и лень было. Александр решил почтить смерть бедняги воздержанием от хлеба и пошел восвояси.

У ВХОДНОЙ ДВЕРИ восседала с вязанием в руках домовладелица Бригитта Планель. При виде Александра вся расплылась и заколыхалась, как взошедшее тесто.

Заворковала:

– Привет и братство, гражданин Ворне. Так что вы с прачкой решили? – Игриво стрельнула заплывшими глазками: – Мужчинам кто-то должен стирать.

Александр не умел пренебрегать женским вниманием, невольно ответил в тон:

– Дорогая мадам Планель, сегодня передо мной во всех очередях расступались и пропускали меня первым. И я догадался, что дольше стирку откладывать невозможно. Вы знаете подходящую прачку?

– Конечно! Вам, дорогой гражданин Ворне, у меня ни в чем отказа не будет. Моя Симона возьмет по сорок су за мешок.

– Хорошо. – Потер лоб. – Слышали, что с нашим булочником стряслось?

Вдова поджала рот, растопырила спицы, словно защищалась ими от чужих неприятностей.

– Это не наше дело. Трибунал с ним разобрался. У нас свое страшное горе: враги подослали аристократку убить нашего божественного Марата!

– Трибунал наверняка ошибся. Пекарь всегда продавал по установленным ценам и при надсмотрщике коммуны. И пока в лавке оставалась хоть одна буханка, никому не отказывал. Теперь дети – сироты, жена – вдова. – Вздохнул: – И мне за хлебом на Гревскую площадь таскаться.

Бригитта, нахмурив лобик и шевеля губами, считала петли.

Уже взявшись за перила, Александр спросил:

– А кто такие наши соседки?

Домовладелица опустила вязание, поманила его пальчиком. Когда он подошел, вцепилась в его рукав и так дернула к себе, что от неожиданности он едва не рухнул лицом в дюны ее груди.

Дыхнула на него луком, уставилась в самые зрачки, многозначительно проговорила:

– Мой вам совет: держитесь от них подальше, дорогой гражданин Ворне. Самые настоящие недобитые аристократки. Если хотите знать, они-то на булочника и донесли.

– Это вы с чего взяли? – слабо затрепыхался Александр.

– С того, что знаю. Должны они ему были. Я своими ушами слышала, как он с них долг требовал. Вот и донесли, чтобы не платить.

Александр показалось, что он проглотил лягушку. Не прощаясь, взбежал к себе. Как Плanelиха может знать такое наверняка? Наговаривает. Но так много людей в Париже сегодня кляузничает... Вчера на заседании Конвента зачитывали доносы граждан. Кого только бдительные патриоты не заподозрили в соучастии в убийстве Марата! Каждого, от гибели которого им приключилась бы хоть малейшая польза. А зачастую и того не требовалось. Почему же так гадко подозревать именно Габриэль? Потому что у нее рот сердцевинной розы, ресницы испанским веером и худенькие ключицы, похожие на распластавшиеся в полете птичьих крылья? Надо рассуждать здраво. Разве он сам не видел, как она в чем-то жарко убеждала Шарлотту Корде? И та уступила: села в фиакр, поехала напрямик к Марату и заколола его. Сама же мадемуазель Бланшар осталась в стороне. А мадам Жовиньи? Это же соседки привели полупомешанную старорежимную в ломбард и уговорили ее заложить драгоценности. Старуха так и не вернулась за своим крестиком, к немалой выгоде процентщика. А в защиту Габриэль Бланшар свидетельствовали лишь ее привлекательность и юность. Настроение у Александра скисло, словно протухло от мерзкого дыхания Плanelихи.

Дядюшка, в колпаке и полосатом сатиновом шлафроке, восседал в своем обычном кресле с неременной газетой, прихлебывая ароматный контрабандный чай. От новостей Александра рассеянно отмахнулся:

– Вся нация доносит. Ты что теперь, всех выявлять будешь?

– Нет. Мне только про нее важно узнать.

– Ну, допустим, донесла, и что тогда? Это корысти ради убивать грешно, а ради прекрасных идеалов и добродетели – только похвально.

Александр сердито смахнул вечно спадающую на лоб прядь:

– А что-нибудь съедобное в доме есть?

– А вот... – Василий Евсеевич пододвинул коричневую кашницу, на вид весьма неаппетитную. – Настоящий «фуа-гра», только из пареной репы, Плanelиха мне втридорога всучила. Ешь, ешь, не сомневайся, – предложил он щедро. – Я все равно этой дрянью брезгую.

А Плanelиху не слушай. Она баба отвратительная и завистливая. Вся эта власть санкюлотская стоит на страхе, на доносчиках, на беззаконии и неправедных судах. Но это дело рук черни и мешан. Доносят те, у кого от ареста будет выгода и кто чести не имеет. А соседок наших за версту видно: дворянки. Подумаешь, булочнику задолжали! С каких это пор благородных людей волнуют их долги? Ты, мой друг, поменьше в чужие дела встревай. И в Конвент этот поганый хватит шастать.

– Дядюшка, там судьбы нации решаются! Там человеческая история творится!

– Одна демагогия и паучья борьба там творится! Народ вместо хлеба речами и кровью кормят. Оттого-то и власть давно уже к смутьянам перекечевала. Что я твоей матери скажу, если тебя обратно не доставлю? – Дядюшка отложил «Революсьон де Пари». – Будем надеяться, что насчет соседок ты все же ошибаешься. Младшенькая мне показалась славным созданием, напрасно только простоволосая в одиночестве по улицам таскается. А тетка ее – дама пикантная, еще в соку. Глазами стреляет, жеманится, и огонек-то горит еще, горит! Есть в ней это «*Je ne sais quoi*»⁵, – потер пальцами, испачканными в типографской краске: – Нечто, знаешь, эдакое неопределимое, но заманчивое... Легкая стервозность, вот что. – Поправил дужки очков, зашуршал газетными страницами.

Александр подпер голову рукой, вздохнул:

– Так и Габриэль не кротостью привлекает.

– Забудь, Сашенька, забудь. Честно скажу тебе, если девица убийство тиранов затеяла, толку уже не будет. Ну ее к бесам! Бабы эти французские как с цепи сорвались: мадам Ролан, синий чулок, вообразила себя государственным деятелем, а истрепававшаяся потаскушка Теруань де Мерикур «красной амазонкой» заделалась! Как некому стало отдаваться, так хоть родине!

Александр возмутился косностью Василия Евсеевича:

– Да без Теруань де Мерикур, может, и революции не произошло бы! Прекрасная куртизанка повела за собой женщин на Версаль! Верхом, с пистолетами за поясом!

– Ну а я о чем? – сказал дядя, и Александру показалось, что дядя поглядел на него с сожалением. – А теперь и бывшая монастырка Корде возомнила себя Брутом. Спасительница отечества! Тьфу на них! То ли дело русские лапушки. Одна Авдотья моя, лебедушка... – Голос Василия Евсеевича пресекался, как случалось в последнее время каждый раз, стоило только ему вспомнить разносолы и прочие достоинства своей домоправительницы. Перевел взгляд за окно, вздохнул: – И тебя Машенька заждалась, небось.

– Какая еще Машенька?

– Как какая?! Машенька, милая такая, застенчивая, дочка соседей моих, Архиповых. Да ты что, не помнишь ее? С русой косой, рукодельница. Но, может, не Машенька. Наташенька. Или Дашенька? Славная такая. Всегда, едва ты в гостиную, она сразу вся маковым цветом!

Александр попытался вспомнить скромницу и рукодельницу Машеньку-Наташеньку-Дашеньку, но все заслоняло бледное лицо Габриэль Бланшар с глазами цвета зимнего неба. Странная она, упрямая, не улыбкающая, и подозрения на ее счет у Александра самые чудовищные, но в сравнении с ней невесты Старицкого уезда, застенчивые, густо наруганные, напуганные мамушками и осаждавшие каждого холостого дворянина многозначительными взглядами и вздохами, вспоминались неживыми снежными бабами. Нет, пока не выяснит, правду ли сказала Планелиха, не успокоится. Но раз уж дядя такой сторонник домостроя, пусть хоть русского подполковника из кухонного плена выпустит.

– Василь Евсеич, насчет кухарки: я с Жанеттой, прислугой соседской, договорился, чтобы она нам стряпала.

– Это ладно, – тряхнул очередной газетой дядюшка. – Твоей-то стряпней я уже по горло сыт. Та же казнь, только медленная. – Высунулся из-за листа, глянул строго поверх очков: – Только предупреди, чтоб без слизняков и лягушек. И по дому не шастать. Доносительниц без нее хватает.

– Дядя, раз все французское вам не угодило, сами-то зачем в Париж явились?

– То не твоего ума дело. Не нравов пакостных набираться.

Засопел, вернулся к внимательному изучению мерзкого санкюлотского листка «Папаша Дюшен».

⁵ *Je ne sais quoi* (фр. «я не знаю что») – здесь: «нечто особенное».

V

ТЕТКА С УТРА обрядилась в шелковое, расшитое розами платье, надушилась, подрумянила щеки и губы, взбила волосы и удалилась в бакалейную лавку за свечами и мылом. Габриэль ходила от окна к окну, ломала пальцы, подбирала смятые газеты, дружно поносившие убийцу Марата, и перечитывала сообщения о ходе расследования преступления.

Первый раз Мари, которую теперь все называли Шарлоттой, допросили прямо в доме Марата, потом в тюрьме аббатства, а со вчера допрашивали в тюрьме Консьержери. Сообщников преступления искали с невероятным упорством. Все эти пламенные революционеры затрепетали и возмутились, узнав, что среди их противников нашелся убежденный, бесстрашный и самоотверженный мститель, готовый отдать жизнь в борьбе с якобинской тиранией. А еще больше напугало, что этим мстителем оказалась молодая девственница, к тому же правнучка великого драматурга Франции Пьера Корнеля. Это появление второй Жанны д'Арк словно выносило над якобинцами приговор истории. Трибуналу во что бы то ни стало требовалось доказать, что героиня была всего лишь орудием злобного заговора врагов народа.

И Мари дрогнула. Она называла имена, а следователи немедленно арестовывали всех, с кем она встретилась или беседовала: члена Конвента Дюперре, перед которым она хлопотала за эмигрировавшую канониссу епископа Фуше, хозяйку ее гостиницы, мальчика, с которым Корде посылала Марату просьбы о встрече. Допросили даже кучера фиакра.

Не пожалев себя, Корде не жалела уже никого. Без утайки сообщала суду все, что знала о жирондистах. Хладнокровно заявила, что бежавшие в Кан депутаты считают Робеспьера, Дантона и Марата подстрекателями, намеревающимися развязать гражданскую войну. А ведь эти сведения приговаривали перечисленных ею беглецов. Судьба жирондистов Габриэль не волновала: такие же республиканцы, как и нынешние якобинцы, лишь более робкие. Но что будет с ней самой, если Корде и ее упомянет?

Третий день она ждала появления жандармов. Она бы сбежала, только до Кана через посты и заставы не добраться, а больше бежать ей некуда. Постоянно прислушивалась, от каждых шагов на лестнице покрывалась холодным потом. Думала, как выгородить тетку. Но никто не приходил. Это означало, что до сих пор Шарлотта ее имени не упомянула. Однако завтра Корде предстоит суд. Неизвестно, что спросят обвиняемую на нем, что она ответит и какие там выступят свидетели. Боже мой, как это ужасно – бояться за себя, когда несчастную Мари ждет гильотина! Но Габриэль даже на улицу не решалась выйти, потому что парижане завалили Революционный трибунал доносами на предполагаемых соучастников преступления. А вдруг кто-нибудь вспомнит, что видел карательницу Марата в Пале-Рояле с другой девицей, и ее опознают? Нет, это, конечно, чрезмерные страхи! Кроме двух петиметров с лорнетами и месье Ворне, на них никто и внимания не обратил.

Кстати, молодой Ворне. Он-то зачем следил за ней? Что ему от нее нужно? Соседи, разумеется, вовсе не те, за кого себя выдают. Такие же коммерсанты из Нормандии, как сама мадемуазель Бланшар – Парижская Богоматерь. Старший не имеет ни малейшего понятия о происходящем в Кане, младший выслеживает ее, а в ломбарде пригрозил санкюлотке Революционным трибуналом! Тогда она решила, что он просто пугал хамку. А теперь не знала, что и думать. Вчера вечером из распахнутых окон доносились голоса соседей. Габриэль едва наружу не вывалилась в попытках расслышать их беседу, но ничего не поняла, потому что говорили они на каком-то незнакомом наречии. В Версале Габриэль часто слышала испанский и немецкий, ее грум Джонсон говорил по-английски, и сама она немного понимала итальянский. Но соседи беседовали между собой на каком-то странном, неведомом языке.

На днях Ворне наняли Жанетту стряпать, сегодня с утра она пропадала у них. Габриэль сразу решила воспользоваться возможностью разузнать о них побольше. По словам кухарки,

молодой Ворне в очереди за хлебом обворожил всех хозяек прихода. Простушку Жанетту полностью покорила своими шуточками и комплиментами. Теперь, после казни Нодье, шармантный ловелас будет вынужден искать себе обожательниц в других лавках. А что если он слышал, как пекарь требовал у служанки уплатить долги ее хозяек? Что он о своих соседках подумает? Ну что там с Жанеттой? Куда она провалилась?

Наконец дверь черного хода приоткрылась, кухарка поманила Габриэль:

– Идемте, мадемуазель. Сейчас там никого: молоденький еще с утра в Конвент поскакал, а старик не очень-то хотел меня одну оставлять, но я так на кухне наладилась, что он покрутился, покрутился, обрядился в допотопный камзол, нацепил дурацкую шапку и тоже куда-то убрел.

Обе выскользнули на лестницу. Дверь в кухню Ворне приоткрылась со скрипом, от которого окатило потной горячей волной. Внутри в самом деле воняло рыбой и дымом. В гостиной сухо шелкал маятник напольных часов красного дерева. Габриэль глубоко вздохнула и заставила себя шагнуть в чужой дом.

– Вы только поторопитесь, мадемуазель, старикан далеко не утопает. – Жанетта скрылась на кухне.

Монахини, учившие Габриэль вести себя благородно и в соответствии с правилами приличия и чести, забыли предупредить, что наступит революция и аристократов будут преследовать и казнить. Извините, настоятельница бенедиктинского монастыря Святой Троицы мадам де Бельзенс де Кастельморон, но мадемуазель де Бланшар пришлось превратиться в гражданку Бланшар, и та твердо намерена остаться в живых. Слишком деликатные аристократки великодушно прощают своего палача и покорно ложатся в общий ров на кладбище Мадлен, а отважные вроде Корде закалывают тиранов и поднимаются на эшафот. Но Габриэль не позволит ни хорошим манерам, ни героическим примерам погубить себя. Все дозволено тому, кого преследуют и кто спасает свою жизнь. К тому же соседи первыми начали шпионить за ней.

Судя по багистовой сорочке, небрежно брошенной на криво запроваленную кровать, первая комната оказалась спальней Александра. На комод валились запонки, одежная щетка, расческа с запутавшимися в ней светлыми волосами. Ни одна гризетка не могла пройти мимо, не обернувшись на этого широкоплечего и длинноногого красавца. Габриэль подняла фуляровый платок, не удержалась, поднесла к лицу – от ткани повеяло смесью свежего бергамота и едкой сосны. От этого сухого, терпкого, почти неуловимого мужского запаха лоб покрылся испариной. Отбросила платок, решительно огляделась, открыла крышку незапертого секретера. Внутри лежало начатое письмо: *«Привет и братство, депутат Национального Конвента Ромм! Я иду с тобой встречи по рекомендации твоего воспитанника и друга. Моя цель – быть полезным человечеству»*. Дальше многое было вымарано и вычеркнуто, видимо, в потугах описать конкретнее, чем именно Александр Ворне мог бы пригодиться человечеству.

В ящиках секретера обнаружилась пустая склянка, оторванные пуговицы и нательный крест на цепочке с непонятными буквами на тыльной стороне. В нижнем потайном отделении оказалась тонкая пачка писем, перевязанная розовой ленточкой. Письма источали аромат нежной пудры. Габриэль с досадой убедилась, что все они на неизвестном языке. Но запах и мелкий почерк с хвостиками и завитушками могли принадлежать только женщине. Впрочем, до этого ей не было никакого дела. Захлопнула секретер. У кровати валилась книга с золотым тиснением на обложке – *«Любовные похождения кавалера Фоблаза»*. Габриэль покраснела. О гривуазном романе она еще в монастыре наслышалась.

Пошарила под одеждой на верхней полке стенной ниши. Так и есть! Люди всегда прячут все самое ценное под бельем. Выудила тетрадь в сафьяновом переплете. Это оказался дневник. К сожалению, все записи тоже были на непонятном языке, только там и сям попадались французские фразы *«Свобода, Равенство, Братство или смерть!»*, *«Аристократов на фонарь!»* и *«Да здравствует Республика! Да здравствует Конвент!»*. На одной из последних страниц Ворне выписал слова революционной марсельской песни. Несомненно, учтивый моло-

дой человек – восторженный якобинец. Предпоследняя длинная запись была помечена тринадцатым июля, по ней фразы по-французски были рассыпаны особенно густо: «*Марат убит!*»; «*Любовь к свободе и ненависть к тиранам*»; «*Эти несчастные люди требуют моей смерти. Они должны воздвигнуть мне алтарь, я спасла их от чудовища!*»; «*Добрые патриоты, ее нельзя убивать, пока мы не раскроем весь заговор!*» Все это могло относиться только к аресту Мари. Да, бесспорно, месье Ворне описывал арест Шарлотты Корде! Но все эти подробности стали известны из газет только на следующий день – четырнадцатого июля. А он описал их еще под тринадцатым числом, причем, судя по французским выражениям и точным цитатам, он сам все это слышал. Значит, он был на месте убийства. Может, в Пале-Рояле он вовсе не за Габриэль следил, а за Шарлоттой? И видел их вдвоем!

Из дневника вывалилась сложенная записка. Внутри чуть выцветшими чернилами было начертано: «*Прошу оказать подателю сего всю необходимую помощь. Он послан мною, дабы наше дело восторжествовало*». И подпись: «*Виконт де Ла Файет, генерал-майор*». Так вот кто прислал в Париж гражданина Ворне! «Новый Кромвель», генерал Лафайет, зачинщик революции, сначала предавший короля, а потом и революционеров, год назад бежавший из республиканской армии в Австрию и, по слухам, заключенный там в тюрьму.

Габриэль вложила письмо обратно, засунула тетрадь на прежнее место и поспешила в спальню Базиля Ворне. В этой комнате царил порядок и слегка затхлый старческий дух. Рыться в вещах пожилого человека было еще более стыдно, чем в комнате молодого повесы. Но что делать? Она обязана узнать, кто эти люди, потому что в их руках ее жизнь. В углу стоял запертый на большой замок и окованный железом неподъемный сундук. На прикроватном столике лежало письмо. По-французски! Аллилуйя!

Легкий стук в дверь и отчаянный шепот Жанетты перебили чтение:

– Мадемуазель Бланшар, старик обратно прется! Уже по двору идет!

«...преслужник Тизон и его жена бдительна следят за королевой и доносят... из-за того что в Тампле идут строительные работы...» Судя по правописанию и корявому почерку, письмо вряд ли писал сам месье Ворне.

– Мадемуазель!

Габриэль выхватывала отдельные фразы, стараясь уяснить хотя бы общий смысл: «... караульный сминяются в 11 утра, в 5 часов вечера и в полночь... Каждый день в семь часов под их окнами нанятый крикун громко саабщает новости...»

– Мадемуазель Бланшар! – отчаянно прошипела Жанетта.

Габриэль бросила письмо и понеслась к черному ходу.

Уже на темной лестнице прижалась к стене, перевела дыхание, вытерла лоб. Проникнуть в чужой дом, рыться в чужих вещах и письмах – поступок, конечно, совершенно неприличный. Тетка ужаснулась бы. Зато она узнала самое главное: Ворне – иностранцы, а раз их прислал находящийся в Австрии Лафайет, то, видимо, они прибыли сюда с какой-то тайной австрийской миссией. Они собирают сведения об условиях заключения и охраны Марии-Антуанетты, молодой Ворне присутствовал при убийстве Марата и навязывает свои услуги якобинцу Ромму. Похоже, у соседей полно собственных веских причин опасаться разоблачения. Теперь у нее тоже есть управа на них, достаточно будет намекнуть, что для них выгоднее держать язык за зубами. А вдруг, испугавшись, они сдадут ее первыми? Боже, до чего она докатилась! Нет-нет. Все дозволено тому, кого преследуют.

ВЕЧЕРОМ С НАИГРАННЫМ равнодушием сообщила тетке, что соседи – иностранные шпионы, которые зачем-то следят за королевой. У мадам де Турдонне выпал из рук столовый нож. Тут же пристала к Габриэль так, что пришлось ей все рассказать в подробностях.

– Вы тайком залезли к ним в дом?

– Мадам, оставьте. В сегодняшнем мире нет места благовоспитанным девицам.

Тетка от нравоучений воздержалась. Даже промолчала, когда Габриэль корочкой подтерла со дна тарелки остатки чечевичного супа.

– Раз у них рекомендательное письмо от Лафайета, то, вероятнее всего, они выполняют какое-то поручение австрийского двора.

– Между собой они говорят не по-немецки. Я никогда такого языка не слышала. Немножко похож на португальский, но ни единого слова не понять. И дневник свой молодой Ворне пишет так, что я даже буквы не узнаю.

– Они могут быть и мадьярами, и чехами, и кем угодно. Но если их прислала Вена, то не с благородными намерениями. Я доподлинно знаю, что австрийские родственники не собираются спасти ее величество.

– Откуда вы это знаете?

Франсуаза дернула плечом:

– Уж столько раз самые преданные королеве люди молили императора о помощи, просили хотя бы денег. Франц Второй и пальцем ради родной тетки не шевельнул, у Вены свои планы на французский престол. Все забыли дочь Марии-Терезии, даже собственная семья. Я иногда подозреваю, прости господи, что австрийский император заинтересован в гибели ее величества.

Тетка просто свихнулась на несчастьях Марии-Антуанетты.

– Мадам, умоляю вас, держитесь от королевы подальше. Ей уже ничем не поможешь, а нас еще можно погубить.

– Вы думаете, Ворне нас в чем-то подозревают?

– Похоже на то. Этот Александр за мной следит. Я уже несколько раз замечала его за собой.

Франсуаза усмехнулась, бросила насмешливый взгляд на Габриэль. Глаза у виконтессы были маленькие, но такие озорные и выразительные, что, глядя на нее, легко было поверить, что именно маленькие глазки – эталон привлекательности.

– За вами, душа моя, только слепой не следил бы. Вот если бы они за мной следить начали, тогда бы я встревожилась.

– Почему, мадам? Что вы такого делаете?

Тетка вместо ответа наполнила бокалы кислым пикетом из виноградных выжимок. Она что-то скрывала. Впрочем, Габриэль тоже утаила от нее свою встречу с Мари Корде. Бедняжка Франсуаза и так ночами не спала. Похоже, теперь у всех имелись тайны, в которые лучше не посвящать никого, даже самых близких.

VI

АЛЕКСАНДР ПО-ПРЕЖНЕМУ не знал, что думать о мадемуазель Бланшар, но думал о ней постоянно. Прелестная девушка оказывалась замешанной во множестве сомнительных происшествий. Правда, несчастная Шарлотта Корде бестрепетно поднялась на эшафот в алом одеянии отцеубийцы, так и не обвинив ни в чем Габриэль. Да и гнусному навету домовладелицы, что соседки якобы донесли на булочника, он ни на секунду не поверил. Но раз он все-таки выслушал поклеп мерзкой бабы, то, как человек чести, теперь был обязан опровергнуть его, а заодно разобраться в судьбе мадам де Жовиньи. Просто чтобы увериться, что дамы к этим трагедиям совершенно непричастны.

Вот только с утра дела чести пришлось отложить: дядюшка вознамерился принять свою еженедельную ванну, а тут не родное Рогачёво, где двести человек челяди и достаточно приказать истопить баньку. Сам Александр в Париже посещал городскую мыльню у моста Турнель, там даже горячая вода имелась, но брезгливый Василий Евсеевич наотрез отказался появляться в этом «рассаднике неаполитанской заразы». Пришлось идти к Жанетте, одалживать огромный чан, волоочь его на кухню, потом десять раз бегать с ведрами к уличному колодцу, одновременно растопив печь и нагревая натасканную воду в котле. Наконец все было готово для омовения.

Дядюшка с сомнением оглядел высокую бадью:

– И как в эту бочку забираться? Ну и пакость же – это чужеземное мытье в лоханке! Да ты со мной не сиди, милый друг, иди куролесь, я прекрасно сам со всем справлюсь.

Скинул с дородного, но крепкого тела шлафрок, оставшись в муслиновой сорочке, со стоической миной пытаемого римлянами мученика вскарабкался на табурет и с него плюхнулся в воду. Александр подтер с паркета лужи и укутал края ванны вокруг дядюшки простыней, чтоб вода не стыла.

Василий Евсеевич покряхтел, устроился в бадье поудобнее, попросил:

– Угоди старику, принеси газеты. И чашечку кофья свари.

– Кофий у нас только желудевый, – предупредил Александр, с сомнением нюхая коричневый порошок.

– Очень плохо, – пожурил его дядюшка. – Спрашивается, за каким чертом собрались освобождать чернокожих в Санто-Доминго, когда это лишает нас кофья и сахара!

– Не может нация, выбравшая свободу, оставить людей рабами.

– Экие глупости! Дворян обезглавили, крестьян реквизициями продовольствия ограбили, торговлю максимальными ценами уничтожили, богатых принудительными займами разорили и последний сук, на котором сидели, колонии, и тот усердно под собой пилят. Зато хорошим тоном стало рубить головы и одеваться как сапожник, – Василий Евсеевич кинул осуждающий взгляд на длинные портки племянника, недовольно поплескал ногами: – Холодно что-то, дружок. Ты не сиди как в гостях, подливай кипяточку-то. – Принял из рук Александра готовый кофий, попробовал, сморщился, вернул чашку: – Нет, не понимаю, что ты в этом напитке находишь. Уж насколько я неприхотлив, но эту санкюлотскую бурду пить решительно не могу. Мало того, что эти разночинцы данную от Бога власть свергли, они нас еще и желудевым отваром потчуют!

– Дядя, эти разночинцы – великие люди, светочи человечества! С Вольтером сама императрица переписывалась, а Дидро к ней даже в гости приезжал, и она с ним подолгу беседовала.

– Это не Дидероты и Жан-Жаки великие, а императрица наша великая. Своим государственным умом и деяниями воистину великая. И сердцем. И на троне не благодаря голтыбье сидит.

– Ага, благодаря братьям Орловым, – бунтовщически пробормотал под нос Воронин. – Россия наша, дядюшка, здесь за оплот деспотизма почитается. Если у нас судьбы крестьянские не облегчат, еще пострашнее революция грянет.

– Нахватался ты по наивности вредоносных идей, Саня. Всякое государство на порядке, богобоязненности и уважении к начальству покоится, а не на этих их либерте-эгалите-фратерните! Тут революция не от тягот народных приключилась, а от избытка образованных бездельников, которые себе занятия не нашли. Вон крестьянская Вандея живота своего не жалеет ради возвращения прежних порядков и своих неприягнувших священников. Табакерку принеси, сделай милость.

Василий Евсеевич заложил понюшку табака между большим и указательным пальцем, вдохнул, почихал оглушительно в свое удовольствие и пояснил свою мысль:

– У нас, слава богу, каждый при деле: крестьянин пашет и сеет, купец торгует, заводчик железо добывает, духовенство службы служит, дворянство воюет, чиновник ворует, государыня всю Россию матерным попечением благодетельствует. А здесь образовался излишек адвокатишек, способных только языком трепать. Ведь эти жакобены все как один – подьячие: Робеспьер, Дантон, Демулен... Все о своих неотъемлемых якобы правах возомнили, и всем помстилось, что они достойны лучшего. Самолюбие-то и выиграло. Ничего нет хуже страны, где много никчемных людей без своего места.

Нет, хоть дядюшка и прекрасный человек, а все же ужасный ретроград!

– Василь Евсеич, сама государыня дворянству вольность дала, права городов обеспечила! И во Францию вас разве не за полезными соображениями для новых наказов послала?

Дядя с сокрушением взглянул на любимого племянника:

– Зря ты, Сашенька, в отставку вышел. Это ты с тех пор дурью-то маешься. Мы эту вольность уже на Яике повидали. Хватит, насмотрелись. Меня матушка по делу человеколюбия послала, а не Российскую империю подпаливать. – Подтянул к себе газеты. – Подожди немного, и такие прекраснотушные обормоты, вроде тебя, вот эти самые вольные дворяне, в поисках великих подвигов мятежниками-то и заделаются. Мудрая государыня войну Речи Посполитой еще и для того объявила, чтобы после победы над османами офицеры по безделью не начали заговоры и бунты устраивать. – Опустил взор на газетную страницу сердито заметил: – Ничего не вижу. Как я, по-твоему без окуляров читать должен? – Водрузил очки на переносицу потребовал ручное полотенце – разве Александр сам не видит, что от мокрых рук бумага расползается?! – А Францией нынче одни болтуны правят: самые зычные остальных на гильотину отправляют.

– У власти те, за кем народ идет. – Александр снял с огня котел, долил в чан кипятка. – Нравится нам или нет, а нация сейчас за якобинцами следует.

Дядя сквозь запотевшие очечные линзы скептически рассмотрел племянника:

– Поосторожней, ошпаришь! Кто этот их жакобенский клуб выбирал? Кто Парижскую коммуну выбирал? Никто. Санкюлоты пришли к власти на пиках и дубинках, и не они за жакобенами идут, а те стараются впереди городской голытьбы бежать и черни угождать. Парижский сброд свою власть почуял и кровью упивается. Такую тиранию только террором и удержишь. – Сердито зашуршал страницами: – Смотри, что творится: тело Шарлотты Корде судебной экспертизе подвергли на предмет установления девственности. А разлагающийся труп божественного Марата таскали по улицам до тех пор, пока вонища не замучила. Эти зрелища у них нонче вместо хлеба. – Левиафаном пошевелился в ванне, отчего выплеснул на паркет очередной водяной вал, грустно заметил: – Тоскую я по квасному пару да по веничкам березовым. И сердце нечем тут развеселить. Принеси хоть вина графинчик.

Наконец дядюшка умаялся выносить все неудобства принятия ванны. Александр ему спину подраил, чистой подогретой водичкой ополоснул. Василий Евсеевич с кряхтением и с Сашиной помощью выкарабкался из бады, обтерся полотенцами и простынями, плотно запах-

нулся в шлафрок, натянул фуляровый колпак и, невзирая на июльскую жару, туго обмотался вязаной шалью. Окна открывать строго-настрога запретил.

– Кому нужен этот проклятый свежий воздух? От тепла еще ни единый русский человек не умер, зато от сквозняков – сколько угодно. – Рухнув в изнеможении в кресло, простонал: – Мука-то какая – эти ванны! Неудивительно, что народ тут не моется, одними парфюмами поливается!

Александр вычерпал бадью, в который раз подтер пол и, заметив, что измученный мытьем дядюшка задремал, поспешил в канцелярию Дворца правосудия – разузнать там о судьбе мадам де Жовиньи и пекаря Нодье. Что бы Василий Евсеевич ни говорил, надо отдать должное революционному правосудию: с летр де каше – тайными королевскими приказами о бессрочном заключении – покончено. Французское судопроизводство стало публичным, и все решения трибунала теперь записывались.

В канцелярии Дворца правосудия воняло потом и ветошью, стены украшали Декларация прав и текст конституции. У стойки с трехцветными флагами топталась очередь, которая ждала так покорно и смиренно, словно великое множество висевших на стенах списков гражданских прав и свобод не имело к ней ни малейшего отношения. Терпеливо переминался и Воронин, прислушиваясь к писарю, назидательно зачитывающему юному санкюлоту из огромной регистрационной книги:

– Луиза-Катерина-Анжелика Рикар второго августа тысяча семьсот девяносто третьего года привлечена к суду за то, что рукоплескала убийству божественного Марата и говорила: «Он сам учил не жалеть крови». Казнена в тот же день. Распишись вот тут, гражданин. Новые постановления комитетов хочешь купить? Нет? Тогда с тебя пятнадцать су. Свобода, равенство, братство или смерть, гражданин!

Женщине с усталым лицом чиновник сообщил, что ее мужа, дровосека Реми Жансона, судили за то, что у Ансельской заставы тот кричал: «Да здравствует король!» – а на суде пытался оправдаться тем, что был пьян, но суд счел это отягощающим обстоятельством.

– Пятнадцать су, гражданка. Брошюры какие-нибудь нужны? Нет? Привет и братство.

Не всем так «везло». Приговора над бывшим кровельщиком и капралом двадцать девятого пехотного полка в архиве не обнаружилось, и его мать потерянно гладила конторку заскоружлыми, сморщенными от вечной работы руками, пока ее не отпихнули следующие посетители.

Затем Александр выслушал постановления суда над гражданином, агитировавшим против воинского набора, над не присягнувшим конституции священником, над графиней де Сенозан, которая выразила надежду, что вымерзшие виноградники заставят народ отрезветь, и еще над несколькими предателями Отечества. Чем очевидней были победы революции, тем – странное дело! – все больше врагов у нее оказывалось. Если верить вердиктам трибунала, заговоры о восстановлении монархии, попытки заморить французский народ голодом и шпионаж в пользу Англии множились с каждым днем.

Наконец подошла очередь Воронина. Канцелярист монотонно зачитал ему, что мадам Элоизу-Мари-Диану де Жовиньи Даржансон Бойе, бывшую дворянку шестидесяти восьми лет от роду проживавшую в парижской секции Дома коммуны, судили за «аристократические речи», которые она держала в присутствии многих людей в своем квартале. Вышеозначенная аристократка говорила, что Национальный Конвент состоит из воров и убийц. «Признана виновной в речах, клонящихся к посрамлению и роспуску национального представительства и к восстановлению королевской власти. При обыске в доме у нее обнаружили письма, содержащие роялизм и фанатизм. Сын осужденной был эмигрантом. Приговорена к смертной казни и казнена 7 июля 1793 года».

– А кто ее обвинил?

– Фукье-Тенвиль.

– Это понятно. – Фукье-Тенвиль был бессменным общественным обвинителем трибунала. По слухам, он даже ночевал в своем кабинете, урывая от производства смертных приговоров лишь пару часов сна. – А кто сообщил о ее речах-то?

– Гражданин, это французский народ против Элоизы де Жовиньи. Теперь ускоренное судопроизводство. Обвинение рассмотрено трибуналом, признано присяжными справедливым, приговор вынесен. Списки подозрительных лиц дать?

– А еще булочник Батист Нодье. Его казнили в середине июля.

Канцелярист перелистывал страницы гигантского регистрационного списка, напевая под нос:

– Батист Нодье, Батист Нодье... А, вот он! Точно, казнен. – Водя пальцем, зачитал: – «Заявил, что те, кто тоскует по белому хлебу, пусть пеняют сами на себя».

– Что это значит? – обомлел Воронин. – За это его казнили?

– Чего ж тут неясного? Вот трибунал постановил, что тем самым Батист Нодье обвинил революцию в нехватке белого хлеба и выразил желание, чтобы вернулись прежние времена. В приговоре сказано, что данные речи носили ярко выраженный антиреволюционный характер.

– А об этом кто сообщил?

– Донесение анонимное, но булочник на суде от своих слов не отказывался. Напротив, продолжал злонамеренно клеветать, что багет является национальной ценностью Франции наряду с равенством, свободой и братством. Тексты революционных песен с нотами хочешь? Нет? Тогда с тебя за две выписки тридцать су. Да здравствует нация единая и неделимая!

Ошеломленный Александр вышел на улицу. Несчастный пекарь, погибший за то, что сказал очевидное. И знает ли сын мадам де Жовиньи, что его мать казнили?

НОГИ САМИ ПРИНЕСЛИ на правый берег в привычное место – бывший Тюильри, нынешний Национальный дворец. По вестибюлю с колоннами навстречу Воронину шел низенький subtilный человек в несуразно большом парике, фисташковом фраке и кюлотах верблюжьего цвета. Депутат напоминал вставшую на задние лапы мышшь. Публика при его приближении затихала и раздавалась, как воды Чермного моря перед Моисеем, один Александр замешкался и чуть не столкнулся с ним. Человек сфокусировал на нем светлые, равнодушные, постоянно моргающие и одновременно словно стеклянные глаза. От его взгляда василиска по позвоночнику пополз холод. Воронин застыл. Чопорный щеголь молча обогнул его и прошел в Зал равенства, где заседал Конвент. Встречные провожали Робеспьера почтительным молчанием. Этот тщедушный старомодный фронт с огромной головой и востроносым мертвенно-бледным личиком был самым влиятельным и самым страшным человеком во Франции.

Александр предъявил приставу у входа в зал свидетельство о благонадежности и поднялся на галерею для публики. Скамьи тут занимали знаменитые «вязальщицы Робеспьера». Эти бабы оказывались везде, где революция творила свои дела: они с самого утра заполняли помещение суда, встречали одобрительным шумом каждый приговор и провожали смертников на эшафот, закидывая несчастных огрызками яблок. И все это не выпуская из рук вязания. Шли слухи, что их энтузиазм оплачивала Парижская коммуна.

Внизу, в огромном амфитеатре бывшего театрального зала, шло очередное заседание Национального Конвента. Верхние ряды занимали якобинцы, их так и прозвали – монтаньяры, то бишь горцы по-французски. Внизу сидело болото – депутаты, готовые всегда голосовать с властями предрержащими. Перед полупустым залом Бийо-Варенн торжественно призывал незамедлительно судить и казнить королеву, которую называл вдовой Капет. Максимилиан Робеспьер поднялся на трибуну и занял свое место в президиуме.

Бийо-Варенн эффектно заключил свою речь:

– Эта женщина, позорище человечества и своего пола, должна наконец искупить свои преступления на эшафоте!

Робеспьер резко кивнул напудренной головой и передернул плечами, как будто у него защемило нерв. Вязальщицы тут же разразились одобрительными выкриками:

– Отрубить голову Мадам вето! Казнить австриячку! Виват республике!

Александр вышел в бывший монастырский сад, уселся на тенистой террасе дощатого павильона, где торговали прохладительными напитками и кофеом. Было одуряюще жарко, пахло пылью и сырым камнем. Посетители – депутаты, чиновники, канцеляристы, просители и просто любопытные – обсуждали за столиками предлагаемые декреты, свои дела и новые призывы популярной газеты «Папаша Дюшен».

Воронин машинально опустошил чашку кофья и сжевал черствую бриошь, не замечая вкуса. Мысли его вернулись к судьбе мадам де Жовиньи. Несдержанную на язык склочницу казнили, а залог перешел в собственность ломбарда. Скорее всего, с рехнувшейся аристократкой неизбежно случилось то, что должно было случиться с каждым, кто во всеуслышание ругает революционную власть, но уж очень вовремя для ростовщика закладчица завершила свой земной путь. Ее казнь позволила Рюшамбо выставить крест на продажу, а старорежимные дамы, которые даже с пекарем не могли расплатиться, внезапно изыскали средства вернуть себе родовой герб. Неужели кто-то из них позаботился о том, чтобы мадам де Жовиньи не дожила до выкупа своих драгоценностей?

Если бы не чудовищное уверение Планелихи, что соседки донесли на булочника, если бы не встреча мадемуазель Бланшар с Шарлоттой Корде, никогда бы Александр не посмел заподозрить благородных дам. Нет, невозможно поверить! Террор свирепствовал, все случившееся могло оказаться лишь совпадением. Так много доносов, так много доносчиков, почему именно соседки? Но если надо спрятать песчинку, где это сделать легче всего? На берегу моря. Где легче всего доносить, не возбуждая опасения и не привлекая к себе внимания? Там, где доносы стали обыденностью.

Александр не спрашивал себя, какое ему дело до поступков Габриэль Бланшар. Он был обязан выяснить, виновны ли в творящихся вокруг них смертях две обнищавшие и гонимые аристократки. Воронин смахнул последние крошки воробьям, встал и направился к бывшей хлебной лавке Нодье.

Мимо проехала «корзинка для салата» – закрытая карета с зарешеченными окнами, в которой перевозили заключенных. Прохожие равнодушно уступали ей дорогу. Офицер точил саблю о ступени дома. Торговец предлагал прохожим украшения с камнями Бастилии и лубочные картинки со сценами ее взятия. Мальчишка махал кипой газет и звонко вопил: «Лион сопротивляется! Полный список заговорщиков, получивших выигрыш на лотерее гильотины! Тулон сдан англичанам! Робеспьер возглавил Комитет общественного спасения! Отныне комитет Дантона стал комитетом Робеспьера!» Единственное, что в Париже имелось в избытке, – это газеты и новости.

Пекарня была закрыта, но он же не за хлебом явился! Александр со всех сил заколотил в дверь кулаками и ногами. Ему открыла жена пекаря. Он помнил мадам Нодье веселой и услужливой и теперь с трудом узнал прежнюю улыбчивую толстушку в усталой и мрачной женщине.

Прижав руки к груди, выпалил заранее приготовленную, краткую, зато убедительную речь:

– Мадам Нодье, простите, мне очень важно узнать, кто донес на вашего супруга. У меня есть подозрение, ужасное подозрение, и я должен снять его с одного близкого мне человека.

Признание это было тщательно продумано и рассчитано растрогать булочницу, но, вместо того чтобы посочувствовать и помочь своему постоянному покупателю, вдова Нодье попыталась захлопнуть дверь перед его носом.

– Кто донес – мне не доложили. Месье Ворне, перестаньте шуметь и отпустите ручку!

Он вставил ногу в проем, спросил умоляюще:

– Может, кто-то был должен вашему мужу?

– Многие. Но теперь никто платить не спешит.

– Это должна была быть существенная сумма.

Вдова Нодье горько усмехнулась:

– Тридцать сребреников на Спасителя хватило, что уж о нас-то говорить!

Александр испугался, что так ничего и не узнает. Откинул прядь со лба, принялся торопливо, сбивчиво объяснять:

– Прошу вас, скажите хотя бы, мадам... гражданка Франсуаза Турдонне или ее племянница Габриэль Бланшар – они должны вам? Для них у вас Жанетта Дюбуа покупала.

Булочница заколебалась:

– Что толку теперь об этом говорить?

У Александра выступила испарина: что он делает? А вдруг он только возбудит ложные подозрения, вдруг женщины просто запоздали с платежом? Удерживая дверь, бросился защищать соседок:

– Если и должны, это, конечно, еще ничего не доказывает. Но если они вам не должны, то тогда это точно не они, у них тогда и причины не было...

Вдова Нодье вздохнула:

– Хороший вы человек, месье Ворне, но доверчивый.

Отошла внутрь лавки. Он вынужден был опереться на косяк, так колотилось сердце. Через минуту булочница вернулась, в руке держала бирку длинную, похожую на скалку, деревянную палку, на которой пекари отмечали зарубками взятый в кредит хлеб.

– Вот их бирка.

Деревяшку сплошь покрывали зарубки.

Вдова сказала:

– Мука вздорожала, и для нас это стали существенные деньги. А достаточные ли это деньги для кого-то, чтобы детей без отца оставить, не знаю. Муж доверял постоянным покупателям.

Александр растерялся, отпустил дверь, повернулся, побрел на Гревскую площадь. Даже ради расследования смертей всех обитателей Парижа дядя ужинать без хлеба не готов. Да и расследования, кажется, зашли в тупик, так ничего окончательно и не подтвердив, кроме того, что отвратительная Планелиха все же в одном оказалась права: соседки задолжали пекарю. У них была причина желать исчезновения кредитора и, как у любого другого желающего, была возможность устранить его. Это, конечно, еще не доказывало их вину. Но, увы, и невиновность тоже.

Пока Александр выстоял очередь за четырьмя фунтами «секционного», погода резко изменилась: баклажанового цвета небо навалилось на крыши, воздух превратился в душную перину, вдали загрохотали раскаты грома, налетел вихрь. Прохожие, придерживая подолы и шляпы, торопились восвояси. Недалеко от дома Воронин увидел перед собой соседок. Порывы ветра и отсутствие фижм под тонкими юбками мадемуазель Бланшар заставили его некоторое время идти позади нее. На субтильную и изящную мадам Турдонне даже не взглянул. Александр уже заметил, причем с немалым огорчением, что полностью ослеп к красоте всех остальных парижанок.

У поворота на дю Барр не выдержал, окликнул дам:

– Простите, мадам Турдонне, мадемуазель Бланшар, известно ли вам о судьбе Элоизы де Жовиньи?

Мадам Турдонне вздрогнула, обернулась:

– Пардон, месье? Не имею чести...

– Мадам, я ваш сосед снизу, я был в ломбарде, когда вы ее туда привели. Вы, наверное, знаете, что ее казнили.

Мадам Турдонне неприязненно посмотрела на него:

– За посещение ломбарда вроде пока не казнят, нет? А вы какое отношение имеете к покойной?

– Никакого. Мне просто жаль старую даму. И пекаря Нодье тоже.

– Это, конечно, делает честь вашему сердцу. Но почему вам кажется, что гибель этих людей – самый подходящий повод для приставания к нам?

Франсуаза отвернулась и пошла дальше. Александр разозлился. Больше всего он хотел найти им оправдание. Не ожидал, что соседка проявит такую черствую неблагодарность.

Запальчиво крикнул им в спины:

– А к убийству Марата вы тоже не имеете никакого отношения, мадемуазель Бланшар?

Габриэль резко повернулась, хрипло спросила:

– При чем тут я?

Он смутился, потому что застыдился за нее:

– Я же видел, как вы уговаривали Шарлотту Корде. И даже что-то пообещали ей.

Сильный порыв ветра сорвал с девушки шляпу, ее волосы взметнулись путаной гривой. Она стояла так близко, что на него пахло сладким вереском ее духов.

Мадемуазель Бланшар будто воздухом подавилась, но тут же пришла в себя, прищурилась, вздернула голову:

– Вы шпионили за мной, а это отвратительно.

Тут почему-то сама смутилась. Александр покраснел и оттого разозлился, хоть и не знал на кого – на нее или на себя. Закружился мусор, захлопали ставни, закачался уличный фонарь на кронштейне, юбка девушки снова прильнула к ее ногам.

Вернулась ушедшая вперед мадам Турдонне, взяла племянницу под руку:

– Габриэль, прошу вас, поспешим домой, вот-вот польет.

Та с силой стряхнула теткину руку, вытянулась к Александру, как собака на сворке:

– Я знаю, что вы с вашим дядюшкой никакие не коммерсанты из Кальвадоса, вы иностранные шпионы! И я знаю, что во время убийства Марата вы были там.

Александр растерялся. Как она узнала об этом? Неужели говорила с Шарлоттой, и та рассказала ей? Но откуда мадемуазель Корде знала, кто он такой? И до него ли ей было?

Мадам Турдонне холодно добавила:

– Гражданин Ворне, оставьте нас в покое, прошу вас. Не лезьте в наши дела, и мы не будем лезть в ваши.

А мадемуазель Бланшар шагнула к нему, уставилась злыми блестящими глазами и прошипела:

– Учтите, месье, если меня или мадам Турдонне обвинят хоть в чем-то, я буду вынуждена немедленно сообщить Комитету общественной безопасности все, что знаю о вас. А знаю я достаточно, чтобы трибунал заинтересовался вами и вашим дядюшкой.

Тут водяной стеной хлынул ливень. Габриэль развернулась и побежала к дому, взметая юбки. Франсуаза кинулась за ней, но перед этим бросила Воронину:

– И все ваши намерения насчет королевы нам тоже известны!

Он остался стоять – ошарашенный, в мокрой, прилипшей к телу рубашке. Какие еще намерения по поводу королевы? Нет, сдается, он совершенно разучился завязывать приятные знакомства с красивыми женщинами!

VII

СЕГОДНЯШНИЙ УРОК С маленькой Дезире Лоран оказался последним. Удивительно не то, что Габриэль уволили. Удивительно, как долго Лораны все же платили за эти уроки. В такое время играть на клавикордах – это как во время гибели Помпеи на арфе брэнчать. Но теперь Габриэль лишилась трети совершенно необходимого заработка. Четыре года революции, четыре года нужды, страха, унижений, голода. Это уже навсегда, этому не будет конца, не надо себя обманывать.

Три года назад монастырь Святой Троицы в Кане, где воспитывались Габриэль и Мари Корде, закрыли, повесив на дверях табличку: «Национальная собственность». По счастью, Габриэль уже за два года до этого переехала в Версаль к тетке, сестре своей покойной матери.

То недолгое пребывание при дворе пролетело, казалось, мгновенно и теперь вспоминалось невероятным, сказочным сном. Тетка утверждала, что никогда и нигде женщины не пользовались таким влиянием и властью, как при Старом режиме. Мадам Турдонне сама была одной из тех умных, просвещенных, обворожительных и влиятельных дам, в чьих салонах люди общались и блистали. Балы, ночи за ломберным столиком, постановки мольеровских пьес в Малом Трианоне, прогулки по аллеям, английский грум, охотничьи костюмы из Англии, королевские облавы на оленей и кабанов и, самое главное, Рено де Сегюр, пылкий, невозможный, наглый Рено де Сегюр – казалось, все это будет всегда. Но четыре года назад, сразу после собрания Генеральных Штатов, все изменилось. Начались волнения, открытое неповиновение. Мямля Людовик XVI колебался и уступал, третье сословие наглело, чернь захлебывалась вседозволенностью. Вскоре бунты и восстания переросли в революцию, и та смела и затоптала прежнюю прекрасную жизнь невесты Рено де Сегюра.

Уже четыре года то и дело грохотал набат, обезумевший сброд высыпал на улицы и принимался крушить и убивать. Расправы стали обыденным явлением. Габриэль не раз случалось прятаться в чужом дворе или вжиматься в стенную нишу, пока ликующие орды текли мимо, сводя счеты с каждым, кто оказывался им не по нраву. На глазах девушки растерзали ее кузена Анри. Голову надели на пику, а куски тела нарочно побросали у самого входа в его отель, чтобы несчастная мать увидела эти жуткие останки. Говорили, что сердце юноши вырвала и съела какая-то безумная. Его семья после этого эмигрировала. Дядя Габриэль, епископ Кальвадоса, тоже своевременно покинул страну, не желая присягать конституции. Святых отцов, хранивших верность Римской католической церкви, преследовали, и те немногие, кто еще оставался во Франции, скрывались.

Последний год Габриэль с теткой едва выживали. Их парижский дом на улице Верней и шато в Ранвиле были секвестированы. Пришлось переселиться в эти мерзкие меблирашки. Виконтесса де Турдонне, в прежние времена заказывавшая к каждому сезону новый гардероб у королевской портнихи Розы Бертен, теперь помогала Жанетте перешивать чужие вонючие лохмотья. А Габриэль давала уроки живописи и игры на клавикордах. Живописи она когда-то училась у Жака-Луи Давида, модного художника, который прославился своими полотнами, воспеваящими героиню древнеримской республики. В те времена он обращался со знатной ученицей с безукоризненной учтивостью. Но с тех пор попавший в тон века живописец стал ярым якобинцем и прихвостнем Робеспьера. Это он организовал жуткие шествия с разлагающимся трупом Марата. Художник был постоянным устройтелем всяческих празднеств, призванных прославлять республику и уподоблять ее Античности и золотому веку Овидия. А недавно Жак-Луи Давид стал членом всемогущего Комитета общественной безопасности, ведающего полицией и решающего, чьи дела передать Революционному трибуналу. Художник то и дело приглашал гражданку Бланшар проявить свой патриотизм участием в подготовке его церемоний и шествий. Габриэль это ненавидела, но деваться было некуда. Говорили, что мадам Шальгрэн

отвергла домогательства мэтра и бедняжку казнили по смехотворному обвинению в присвоении двадцати фунтов свечей. Поэтому Габриэль безотказно завертывалась в простыню, изображающую тогу, а художник ходил вокруг, рассматривал ее, поправлял драпировки, при этом дотрагиваясь то до плеча, то до шеи. Ее тошнило от его прикосновений. Габриэль пускалась на всяческие ухищрения, чтобы не оставаться с ним наедине, но как долго она сможет удерживать его на расстоянии? От бессилия и злобы выступали слезы и страшно тянуло в животе.

О, если бы можно было бежать! Но времена, когда прозорливые люди садились в кареты и гнали лошадей до Швейцарии, упущены безвозвратно. Сегодня каждый обязан был носить с собой удостоверение благонадежности с указанным местом проживания, заверенное девятью свидетелями, а на всех дорогах выставлены заставы. Во Франции не осталось безопасного уголка для тех, кого обвинят в измене республике.

Четыре года революции – четыре года непрерывных потерь.

Революция разлучила с лучшей подругой Люсиль Ларидон-Дюплесси. Длинноношенькую, восторженную и слезливую мадемуазель Дюплесси, дочь высокопоставленного и состоятельного чиновника в Министерстве финансов, Габриэль встретила как раз на уроках Жака-Луи Давида. Люсиль мечтала о большой страстной любви. В результате неразборчивая глупышка вышла замуж за адвоката-неудачника, который отличился лишь тем, что науськал чернь на взятие Бастилии и чуть не первым потребовал свергнуть короля. Конечно, при новой власти этот пламенный революционер быстро продвинулся: занял должность секретаря при новом министре юстиции Жорже Дантоне. Двумя руками голосовал за уничтожение монархии и за казнь Людовика XVI. А простушка Люсиль во всем ему поддакивала. Сына отослала к кормилице в деревню, чтобы не мешал строить народное счастье. Нынче этот Камиль Демулен был одним из самых ярких якобинцев-монтаньяров, и у его супруги появились новые друзья – Робеспьер, Дантон, Фрерон, Эро де Сешель. Прежнюю дружбу Люсиль предала, ушла в стан тех, кто теперь преследовал и губил Габриэль.

А Мари Корде? Мари всегда была странной. Пока все воспитанницы аббатства исподтишка зачитывались «Новой Элоизой», мадемуазель д'Армон Корде штудировала Плутарха и Монтескье, а на уроках литературы патетически декламировала героические строки своего предка, знаменитого драматурга Пьера Корнеля. Жаль, конечно, что все так для нее кончилось, однако Габриэль испытала невольное облегчение после казни несчастной: так безумно она боялась, что убийца Марата утянет ее за собой. Нет, о Мари было слишком страшно даже вспоминать.

Но настоящим непоправимым несчастьем стала гибель жениха Габриэль. Вскоре после революции он бежал в Кобленц и присоединился к сражавшимся с революционными армиями войскам герцога Брауншвейгского. Год назад Рено де Сегюр погиб в сражении при Вальми. Ничего его героическая гибель не исправила, только у Габриэль исчезла последняя возможность достойного брака. Для аристократок больше не существовало подходящих партий: юноши их круга либо сложили невинные головы на эшафоте, либо воевали под иностранными знаменами, либо скрывались в эмиграции. Годы девичьей юности пролетали стремительно, ей уже исполнилось двадцать два! А кто вокруг? Вот подмигнул прыщавый приказчик с жирными прядями, собранными на затылке в пороссячий хвостик, окликнул усатый канонир с саблей на боку, что-то гадкое предложил толстобрюхий чиновник. Вокруг были лишь те, кто уже забрал у нее права, достоинство, имущество, а со дня на день грозил отобрать и жизнь: каменотесы, бондари, кузнецы, плотники, грузчики, уличные торговцы и пивовары. Даже красивый Александр Ворне с его смеющимися глазами и жестким, решительным ртом – и тот оказался шпионом и шантажистом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.